

Annotation

Правда, солнце еще несколько хмурилось, а небесная лазурь казалась совсем хрупкой, но весеннее настроение разливалось в воздухе и светило в глазах прохожих - словно каждый чувствовал себя соучастником этой радостной перемены, вдыхая соблазнительные запахи утреннего Парижа. ...

- [Сименон Жорж](#)
 -
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке RoyalLib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Сименон Жорж

Мегрэ колеблется

Жорж Сименон
МЕГРЭ КОЛЕБЛЕТСЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Привет, Жанвье!

- Доброе утро, патрон!

- Здорово, Люка! Здорово, Лапуэнт!

При виде Лапуэнта Мегрэ не мог сдержать улыбки. И не только потому, что юноша вырядился в новенький, прилегающий в талии светло-серый в красную крапинку костюм. В это утро улыбались все: на улицах, в автобусах, в магазинах.

Накануне было пасмурное воскресенье с налетавшим ветром и холодным дождем, как посреди зимы, и вдруг уже на другое утро - четвертого марта - люди проснулись и увидели, что наступила весна.

Правда, солнце еще несколько хмурилось, а небесная лазурь казалась совсем хрупкой, но весеннее настроение разливалось в воздухе и светилось в глазах прохожих - словно каждый чувствовал себя соучастником этой радостной перемены, вдыхая соблазнительные запахи утреннего Парижа.

Мегрэ явился без пальто, проделав добрую часть пути пешком, а войдя в кабинет, сразу же приоткрыл окно. Сена засветилась новыми красками: ярче стали багровые полосы на трубах буксиров, и блестили на солнце свежевыкрашенные баржи.

Комиссар заглянул в комнату инспекторов:

- Что, ребята, начнем?

Это называлось "маленьким рапортом", в отличие от большого, настоящего, на который ежедневно в 9 утра собирались у шефа руководители бригад. А пока Мегрэ был в обществе своих ближайших сотрудников.

- Ну, как вчера провел день? - спросил он у Жанвье.

- У тещи в Вокрессоне, вместе с детьми.

Лапуэнт, смущенный своим преждевременно надетым новым летним костюмом, держался в сторонке.

Мегрэ расположился за своим рабочим столом, набил трубку и стал разбирать почту.

- Это тебе, Люка... По делу Лебур... Другие документы передал Лапуэнту:

- Отправить в прокуратуру...

Рано было говорить о листве, но на деревьях, окаймлявших набережную, были намеки на бледную зелень.

В те дни не разбиралось ни одного крупного дела, которое привело бы в коридоры Дворца правосудия полчища журналистов и фотографов и вызвало бы властные телефонные звонки из высоких сфер. Заурядные дела... Текучка...

- Какой-то психопат или психопатка, - заключил Мегрэ, беря конверт, на котором его имя и адрес полиции были выведены печатными буквами.

Конверт был белый, совсем необычный, роскошный. На марке стоял штемпель почтового отделения на улице Миромениль. Вынув письмо, комиссар прежде всего подивился бумаге: веленевая, толстая, хрустящая, необычного формата. Должно быть, сверху срезали полоску, чтобы убрать тисненый гриф с указанием фамилии и адреса. Работа была проделана

старательно, с помощью линейки и острого лезвия. Текст, так же, как и адрес, был написан печатными буквами.

- А может быть и не псих, - пробормотал Мегрэ.

"Господин дивизионный комиссар¹, я не знаю вас лично, но все, что я читал о ваших расследованиях и вашем отношении к преступникам, внушает мне доверие. Это письмо вас удивит. Не торопитесь бросить его в корзину для бумаг. Это не забавная шутка и не затея маньяка.

Вы знаете лучше меня, что действительность не всегда правдоподобна. Скоро должно произойти убийство, точнее, через несколько дней. Быть может, его совершит человек, которого я знаю, а может быть, и я сам. Пишу вам не для того, чтобы предотвратить драму. Она в каком-то смысле неизбежна. Мне просто хочется, чтобы когда это случится, вы были в курсе дела.

Если вы примете мои слова всерьез, не откажитесь поместить в отделе объявлений "Фигаро" или "Монд" одну строчку: "К.Р. Жду следующего письма".

Не знаю, напишу ли я его. Я слишком взволнован. Некоторые решения принимать очень трудно. Быть может, я когда-нибудь увижу вас в вашем кабинете, но тогда мы будем по разные стороны барьера.

Преданный вам".

1 Дивизионный комиссар - руководитель специальной бригады во французской сыскной полиции.

Мегрэ больше не улыбался. Нахмутив брови, он еще раз пробежал письмо, потом посмотрел на своих помощников:

- Нет, видно, не псих, - повторил он. - Послушайте!

И медленно прочел, выделяя некоторые слова. Ему приходилось получать немало подобных писем, но чаще всего слог в них был не таким изысканным, а некоторые фразы всегда подчеркивались. Часто они писались красными или зелеными чернилами и содержали много орфографических ошибок.

А здесь рука писавшего не дрожала. Буквы были четкие, без завитушек, без единой помарки.

Мегрэ посмотрел бумагу на свет и прочитал водяные знаки: Морванская веленевая бумага.

Каждый год он получал сотни анонимок. За редкими исключениями они были на дешевой бумаге, какую можно купить в любой лавчонке. Иногда буквы были вырезаны из газет.

- Никакой явной угрозы... - прошептал он. - Скрытая тревога... "Фигаро" и "Монд" - газеты, особенно популярные среди слоев зажиточной интеллигенции.

Он снова оглядел всех троих.

- Займешься этим, Лапуэнт? Первым делом нужно связаться с фабрикантом бумаги. Вероятно, он живет в Морване.

- Ясно, патрон...

Так началось дело, которое вскоре доставило Мегрэ больше хлопот, чем многие преступления, о которых кричат первые страницы газет.

- Дашь объявление!..

- В "Фигаро"?

- В обе газеты.

Звонок известил о начале рапорта, и Мегрэ с папкой под мышкой направился в кабинет шефа. И сюда через открытое окно доносился городской шум. Один из инспекторов воткнул в петлицу веточку мимозы и смущенно объяснил:

- Их уже продают на улице...

Мегрэ не упомянул о письме. Он с удовольствием курил трубку, равнодушно поглядывая на

коллег, поочередно излагавших свои мелкие дела, и мысленно подсчитывал, сколько же раз он присутствовал на этой процедуре. Тысячи раз.

А как он завидовал в молодости своему начальнику, который каждое утро проникал в это святилище. Разве не предел желаний - руководить бригадой уголовной полиции? В ту пору он не смел об этом и мечтать. Не больше, чем теперь Лапуэнт или Жанвье, чем даже его добрый Люка.

Однако Мегрэ этого достиг и на протяжении долгих лет работы больше об этом не задумывался, но сегодня, в это чудесное утро, когда воздух так благоухал, а люди, вместо того чтобы чертыхаться из-за грохота автобусов, мило улыбались, ему почему-то вспомнились мечты его молодости.

Вернувшись через полчаса, Мегрэ был поражен, застав у себя в кабинете стоявшего у окна Лапуэнта. Модный костюм делал его тоньше, выше и еще моложе. Двадцать лет назад инспектору полиции не разрешили бы ходить таким пижоном.

- Это было проще простого, патрон.

- Узнал имя фабриканта бумаги?

- Жерон и сын. Вот уже три или четыре поколения этой семьи владеют предприятием "Морванская бумага" в Отэне... Это даже и не фабрика, а нечто вроде кустарного производства... Бумага только определенных сортов либо для роскошных книг, особенно стихов, либо для почтовых наборов... У Жеронов не больше десятка рабочих... Судя по тому, что мне сказали, в этих краях еще сохранилось немало таких мастерских.

- Ты выяснил, кто их представитель в Париже?

- У них нет представителя... Они непосредственно связаны с художественными издательствами и двумя писчебумажными магазинами, один на улице Фобур Сент-Онорэ, другой на авеню Оперы...

- Фобур Сент-Онорэ? Это тот, что наверху, слева?

- Полагаю, что да, судя по номеру...

Мегрэ часто останавливался у витрины этого магазина. Там были выставлены бланки приглашений, визитные карточки, и можно было прочесть титулы, ставшие теперь непривычными:

Граф и графиня де Бодри имеют честь...

Баронесса де Гран-Люссак с радостью сообщает...

Князя, маркизы, подлинные или мнимые, о возможности существования которых никто, вероятно, и не подозревал. Они приглашали на обеды, на охоту, на партию в бридж, сообщали о свадьбе дочери или рождении младенца. И все это на роскошной бумаге.

В другой витрине были выставлены украшенные гербами бювары, переплетенные в сафьян папки для ресторанных меню.

- Не сходить ли тебе туда?

- На Фобур Сент-Онорэ?

- Нет, мне кажется не там... Скорее, на авеню Оперы, у Романа. Магазин на улице Оперы был не менее аристократическим, но там продавали и авторучки, и обычные писчебумажные товары.

- Ладно, я побежал...

Счастливчик! Мегрэ посмотрел ему вслед, как это бывало в школе, когда учитель посылал одного из его товарищей с каким-нибудь поручением. А у него - ничего интересного. Обычная канитель. Бумажная волокита. Вот теперь составляй нудное донесение для следователя, который подошлет его к другим, даже не читая. Ведь дело давно уже предано забвению.

Дым от его трубки расстился по комнате сизой пеленой. Легкий ветерок с Сены колыхал

бумаги. Не успели часы отбить одиннадцать, как в кабинет ворвался жизнерадостный Лапуэнт.

- Проще пареной репы!

- Что ты имеешь в виду?

- Можно подумать, что бумагу эту выбрали нарочно... К слову сказать, писчебумажная торговля принадлежит уже не Роману, он умер десять лет назад, а мадам Лобье - вдове лет пятидесяти, которая еле отпустила меня... Вот уже пять лет, как она не заказывала эту бумагу: на нее нет спроса... И не только из-за цены. Она не годится для машинописи... Так что покупают ее трое клиентов. Но один из них умер в прошлом году. Граф, владелец замка в Нормандии и конюшни скаковых лошадей... Вдова его живет в Каннах и никогда не заказывает почтовой бумаги... Потом одно посольство... Но прежнего посла сменили, а новый предпочитает другую бумагу...

- Значит, остается один?

- В том-то и дело! Вот потому я и сказал, что проще пареной репы. Речь идет об Эмиле Парандоне, адвокате с улицы Мариньи, который вот уже пятнадцать лет пользуется только этой бумагой и не хочет никакой другой. Это имя вам знакомо?

- Никогда не слышал... Когда он в последний раз заказывал бумагу?

- В октябре прошлого года.

- С тиснением?

- Да. Очень скромным. И как всегда, тысячу конвертов и столько же листов бумаги. Мегрэ снял трубку:

- Попросите, пожалуйста, Бувье, отца...

Адвокат, которого он знал свыше двадцати лет... Сын тоже принадлежал к адвокатскому сословию.

- Алло! Бувье? Говорит Мегрэ. Я вам не помешал?

- Что вы! Конечно, нет.

- Мне тут нужна справка...

- Полагаю, что конфиденциально?

- Да, пусть это будет между нами... Знаете ли вы одного из ваших коллег по имени Эмиль Парандон? Бувье выразил удивление:

- Какого черта нужно от Парандона сыскной полиции?

- Не знаю. Возможно, что и ничего.

- Так я и думал. - С Парандоном мне приходилось встречаться раз пять или шесть за всю жизнь, не больше... Он бывает во Дворце правосудия крайне редко и только по гражданским делам.

- Каких лет?

- Без возраста. Может, сорок, а может, и пятьдесят...

И Бувье тут же сказал секретарю:

- Поищите, голубчик, в адвокатском справочнике дату рождения Парандона... Эмиль... Впрочем, он там один. Затем, обращаясь к Мегрэ:

- Вы, должно быть, слышали об его отце. Он, кажется, еще жив, а если умер, то совсем недавно... Профессор Парандон, хирург, светило типа Лаэннека², член Медицинской Академии, Академии Моральных и Политических наук, и так далее и тому подобное... Фигура! При встрече я вам о нем расскажу. Он приехал из деревни зеленым юнцом: маленький, коренастый, походил на молодого бычка, и не только с виду.

- А сын?

- Сын - юрист, специалист по международному праву, в особенности по морскому. Говорят, в этой области он неуязвим. К нему обращаются со всех концов света и часто просят

быть арбитром в делах самого деликатного свойства, когда на карту поставлены крупные состояния.

- Как он выглядит?

- Неприметный. Я едва ли узнал бы его на улице.

- Женат?

2 Лаэннек, Рене Теофиль (1781-1826) - знаменитый французский врач, открывший и популяризовавший метод выслушивания больных.

- Спасибо, друг мой. Вот, пожалуйста, нашли год рождения. Сорок шесть лет... Женат ли он? Я только собирался вам ответить, что не знаю, как вдруг меня осенило... Конечно, женат... И еще как женат! На одной из дочерей Гассена де Болье. Ну, вы его знаете. Это один из самых наших свирепых судей, выдвинувшихся после второй мировой войны. Потом его назначили председателем кассационного суда... Теперь в отставке. По-видимому, живет в своем замке в Вандее... Семья очень богатая...

- А больше вы ничего о нем не знаете?

- А чего же вам еще? Мне никогда не приходится защищать таких людей ни в кассационном суде, ни в суде присяжных.

- Часто они выезжают?

- Парандоны? Во всяком случае не туда, где бываю я.

- Спасибо, старина.

- Услуга за услугу.

Мегрэ перечитал письмо, которое Лапуэнт положил ему на стол. Прочитал дважды, трижды и всякий раз все больше хмурил брови.

- Вы понимаете, что все это значит? - Да, патрон, дерьмовое дельце... Извините за выражение, но...

- Ничего, это еще, пожалуй, слишком мягко. Знаменитый хирург, Председатель кассационного суда. Специалист по морскому праву, который живет на улице Марины и заказывает самую дорогую бумагу.

Такой клиентуры Мегрэ опасался. Ему казалось, что он уже идет по краю пропасти.

- Вы думаете, что письмо написал он сам?

- Он или кто-нибудь из домашних. Во всяком случае тот, кто имеет доступ к его почтовой бумаге.

- Любопытно, не правда ли?

Вопрос остался без ответа. Мегрэ задумался, глядя в окно. Обычно люди, посылающие анонимные письма, не пользуются своей почтовой бумагой, да еще такой роскошной.

- Тем хуже! Придется его навестить.

Он поискал в справочнике номер и позвонил по городскому телефону. Женский голос ответил:

- Секретарь мосье Парандона...

- Добрый день, мадемуазель... Говорит комиссар Мегрэ из сыскной полиции. Можно попросить мосье Парандона? Мне нужно сказать ему несколько слов...

- Подождите, пожалуйста, минутку... Сейчас посмотрю... До чего же все просто! Не прошло и несколько секунд, как Мегрэ услышал мужской голос:

- Парандон слушает...

В его голосе прозвучал вопрос.

- Я хотел бы вас попросить, мосье...

- С кем я говорю? Секретарша плохо разобрала вашу фамилию...

- Комиссар Мегрэ...

- Ах! Теперь мне понятно ее удивление... Она, должно быть, расслышала имя, но не могла себе представить, что звоните действительно вы... Очень рад слышать ваш голос, мосье Мегрэ... Мне часто приходилось думать о вас... Бывали случаи, когда мне хотелось, написать вам, чтобы узнать ваше мнение по тому или иному вопросу... Но зная, как вы заняты, я не решался...

Голос Парандона звучал почти робко, но еще более смущен был сам Мегрэ. Он чувствовал, что попал в довольно глупое положение с этим бессмысленным письмом.

- Вот видите, а мне пришлось вас побеспокоить. Да еще из-за какого-то пустяка... Но лучше бы поговорить с глазу на глаз... Я должен показать вам один документ...

- Когда вам угодно?

- У вас найдется свободная минутка сегодня днем?

- В половине четвертого вас устроит? Признаюсь, у меня привычка вздремнуть после обеда, иначе я чувствую себя не в своей тарелке.

- Договорились! Я приеду в половине четвертого. Благодарю за любезность...

- Это я должен себя поздравить с таким гостем. Повесив трубку, Мегрэ так оглядел Лапуэнта, будто очутился в другом мире.

- Он не был удивлен?

- Ни в коей мере... Даже вопросов не задавал... Вроде бы счастлив со мной познакомиться... Меня только занимает одна деталь... Парандон сказал, что много раз хотел мне написать, чтобы узнать мое мнение... Но ведь он занимается не уголовными делами, а только гражданскими. Его специальность - морской кодекс, в котором я ни черта не смыслю. Узнать мое мнение? О чем?

В этот день Мегрэ решил сплутовать. Он позвонил жене и сказал, что задерживается на работе. На самом же деле ему хотелось кутнуть в честь первого солнца, позавтракать в пивной "Дофин" и пропустить аперитив прямо у стойки.

Если его и ожидало дерьмовое дельце, как выразился Лапуэнт, то начиналось оно тем не менее довольно приятно.

Мегрэ доехал на автобусе до Елисейских полей, потом прошел метров сто пешком по улице Мариньи и за это время встретил не меньше трех лиц, показавшихся ему знакомыми. И тут только он сообразил, что идет вдоль садовой решетки Елисейского дворца и что квартал этот находится под круглосуточным наблюдением. Ангелы-хранители тоже его узнали и приветствовали чуть заметным, скромным, но почтительным кивком.

Дом, в котором жил Парандон, был просторным, крепким, построенным на века. По обеим сторонам ворот красовались бронзовые фонари. Сквозь стеклянную дверь Мегрэ увидел не обычную привратницкую, а настоящий салон со столом, покрытым сукном, как в министерстве.

И даже тут оказалось знакомое лицо, некий Ламюль или Ламюр, долго работавший на улице СоссэЗ.

- К кому вы, комиссар?

- К Парандону.

- Лифт или левая лестница. Второй этаж.

В глубине был виден двор, машины, гаражи, низкие постройки, бывшие когда-то, должно быть, конюшнями. Перед тем как подняться по мраморной лестнице, Мегрэ машинально выколотил трубку о каблук.

Когда он позвонил в единственную на этаже дверь, перед ним мгновенно возник дворецкий в белой куртке - будто подкарауливал.

- Я к мосье Парандону... У нас встреча...

- Сюда, комиссар - Дворецкий с достоинством взял у него шляпу и провел в библиотеку, какой Мегрэ в жизни не видел. Стены длинной высокой комнаты сплошь сверху донизу были уставлены книжными полками. Выделялся лишь мраморный камин, на котором стоял бюст

мужчины средних лет. Все тома были в отличных переплетках, чаще всего красных. Из мебели в комнате ничего не было, кроме длинного стола, двух стульев и одного кресла.

Мегрэ с удовольствием пробежал бы взглядом книжные полки, но к нему уже направлялась молодая секретарша в очках:

- Позвольте, я провожу вас, мосье комиссар.

Сквозь окна в три метра высотой в комнату врывалось солнце, играло на плюше, на мебели, на картинах. Начиная с коридора, повсюду были расставлены старинные столики с гнутыми ножками, стильная мебель, бюсты, портреты знатных господ в костюмах разных эпох.

Молодая девушка толкнула светлую дубовую дверь, и мужчина, сидевший за письменным столом, тут же поднялся навстречу гостю. Он был тоже в очках с очень толстыми стеклами.

- Спасибо, мадемуазель Ваг.

Хозяину пришлось проделать довольно длинный путь, поскольку кабинет был таким же просторным, как библиотека и приемная. И здесь стены были заставлены книжными шкафами, висело несколько портретов, и солнце делило комнату на светлые и темные ромбы.

- Вы даже не представляете, как я рад видеть вас, мосье Мегрэ...

Он протянул руку, маленькую белую руку - пухлую, словно без костей. По контрасту с обстановкой человек казался еще меньше, чем был на самом деле: миниатюрное, почти хрупкое и необычно подвижное существо. Но нет, худощавым его, пожалуй, назвать было нельзя. Напротив того, он казался скорее округлым, и все-таки ощущение невесомости, хрупкой неустойчивости оставалось.

' На улице Соссэ в Париже помещается Министерство внутренней безопасности.

- Проходите сюда, прошу вас... Пожалуйста, садитесь, где вам удобнее!

И он указал на рыжеватое кожаное кресло у письменного стола.

- Думаю, здесь будет лучше всего... Я ведь туговат на ухо.

И верно сказал Буве, что Парандон - человек без возврата. В его голубых глазах, во всем облике сквозило что-то детское, и он прямо с восхищением смотрел на комиссара.

- Вы даже не представляете, как часто я думал о вас... Когда вы расследуете очередное дело, яжигаю огромное количество газет, чтобы ничего не упустить... Можно даже сказать, что я слежу за вашими выводами.

Мегрэ чувствовал себя неловко. Он свыкся, в конце концов, с любопытством публики, но энтузиазм такого человека, как Парандон, Явно его смущал.

- Я делаю выводы, какие на моем месте сделали бы все и каждый.

- Каждый, может быть... Но понятие "все" не существует... Это миф... А вот уголовный кодекс, судьи, присяжные - это уже не миф. И те же самые присяжные, которые еще вчера были как все, сегодня, попадая в зал заседаний, становятся совсем иными.

На Парандоне был темно-серый костюм. И оттого, что -этот маленький человек был одет в темное, он выглядел еще нелепей за огромным письменным столом. И все же он не казался смешным. И совсем не наивное выражение скрывалось в его взгляде за толстыми очками.

В школьные годы Парандон, быть может, страдал оттого, что его называли недомерком, но потом смирился и теперь походил на добродушного гнома, который должен сдерживать свою порывистость.

- Можно задать вам нескромный вопрос?.. В каком возрасте вы стали понимать людей?.. Я имею в виду тех, кого называют преступниками...

Зардевшись от смущения, Мегрэ пробормотал:

- Не знаю... Я даже не уверен, что понимаю их...

- Как же!.. Что вы!.. И они это прекрасно чувствуют... Это, если хотите знать, одна из причин, побуждающих к признанию...

- Но ведь так бывает и у моих коллег.

- Я мог бы доказать обратное, напомнив вам немало фактов, но не буду вам надоедать... Вы учились на медицинском, не так ли?

- Да, но только два года...

- Судя по тому, что я читал, вам пришлось после смерти отца бросить занятия и перейти на службу в полицию.

Положение Мегрэ становилось все более и более щекотливым, почти смешным. Ведь он явился сюда, чтобы задавать вопросы, а вместо этого допрашивали его самого.

- Эта перемена не говорит о вашем двойном призвании, - продолжал Парандон, - а скорее о разных воплощениях одной и той же личности. Простите меня... Я буквально с ходу на вас набросился... Но я ожидал вас с таким нетерпением... Я готов был бежать к двери, как только услышал ваш звонок, но жена была бы недовольна, она старается соблюдать этикет.

Последние слова он произнес полупшепотом и, указывая на портрет, на котором во весь рост был изображен важный чиновник в судейской мантии, выдохнул:

- Мой тесть...

- Председатель кассационного суда Гассен де Болье.

- Вы знаете?

Теперь Парандон казался Мегрэ настолько ребячливым, что он предпочел признаться:

- Перед тем, как прийти к вам, я навел справки...

- Вам отзывались о нем плохо?

- Говорили, будто это был видный деятель...

- Вот-вот! Видный деятель!.. Вы читали труды Анри Эя?..

- Просматривал его учебник психиатрии.

- А Санжэ?.. Леви-Валанси?.. Максвелла?..

И он указал рукой на книжную полку, на которой красовались эти авторы - психиатры, никогда не занимавшиеся морским правом. Мегрэ успел заметить на корешках книг и другие имена; фамилии одних встречались ему в известиях международного общества криминологии, работы других ему действительно доводилось читать. Лагаш, Рюиссан, Жениль-Перрен...

- Вы не курите? - вдруг спросил с удивлением хозяин.- А я-то считал, что у вас всегда в зубах трубка.

- Если позволите...

- Чего бы вам предложить? Коньяк у меня заурядный, зато арманьяк сорокалетней выдержки.

Он быстро подошел к стене, где между рядами книг был вделан бар. Там стояло десятка два бутылок и рюмки разных размеров.

- Спасибо... Но совсем немножко...

- Моя жена разрешает мне один глоток, да и то лишь в торжественных случаях. Она считает, что у меня слабая печень. И вообще, послушать ее, так у меня нет ни одного здорового органа...

Парандона это забавляло. Он говорил без всякой горечи.

- За ваше здоровье! Если я задавал вам нескромные вопросы, то только потому, что очень интересуюсь шестьдесят четвертой статьей уголовного кодекса, которую вы знаете лучше меня.

И правда, Мегрэ знал ее наизусть, часто вспоминал и без конца к ней возвращался.

"Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия или если он был принужден к тому силой, которой он не мог противостоять".

- Что вы об этом думаете? - спросил гном, наклонившись к Мегрэ.

Арманьяк - французская водка.

- Предпочитаю не быть судьей, и это избавляет меня от необходимости судить...

- Вот это мне и хотелось от вас услышать... Когда в вашем кабинете находится обвиняемый или подозреваемый в преступлении, способны ли вы определить ту долю виновности, которая может быть ему вменена.

- Очень редко... Психиатры впоследствии...

- В этой библиотеке я собрал труды психиатров. В старину чаще всего отвечали виновен и удалялись со спокойной совестью. Но перечитайте, например, Анри Эя...

- Знаю...

- Вы говорите по-английски?

- Очень плохо.

- Знаете, что они называют "хобби"?

- Да... Времяпрепровождение... Неоплачиваемая деятельность... Мания...

- Так вот, мосье Мегрэ, мое хобби или, как некоторые говорят, моя мания - это статья шестьдесят четыре... Занимаюсь ею не я один... И эта знаменитая статья - содержится не только во французском кодексе... Сформулированная несколько иначе, она существует и в кодексе США, и в английском, и в германском, и в итальянском...

Парандон все больше оживлялся. Его бледное лицо порозовело. С поразительной энергией он размахивал своими пухлыми ручками.

- Таких, как я, - тысячи, что я говорю - десятки тысяч, и мы поставили своей задачей изменить эту постыдную шестьдесят четвертую статью, этот пережиток минувших времен. Речь здесь идет не о тайном обществе. В большинстве стран существуют официальные группировки, журналы, газеты... И знаете, что нам отвечают?..

И чтобы пояснить, "кто" отвечает, он вопросительно взглянул на портрет тестя:

- Нам говорят: "Уголовный кодекс составляет единое целое. Если вы замените в нем хотя бы один камешек, все здание может рухнуть..." И нам возражают: "Если действовать по-вашему, то не судье, а врачу будет предоставлено право решать..."

Я мог бы говорить об этом часами. Я посвятил этому вопросу много статей, и если это не будет с моей стороны дерзостью, я попрошу мою секретаршу вам их переслать... Вы знаете преступников, если можно так выразиться, из первых рук... Для судьи же это только существа, которых почти автоматически подводят под ту или иную статью. Вы меня понимаете?

- Конечно...

- За ваше здоровье...

Он перевел дыхание и, казалось, сам был поражен, что так разошелся.

- Ведь мало с кем я могу говорить настолько откровенно... Вас это не шокирует?

- Нисколько...

- Ба, да ведь я даже не спросил, зачем вы хотели меня видеть... Я был в таком восторге от предстоящей встречи, что об этом даже не подумал...

И с иронией в голосе добавил:

- Надеюсь, речь идет не о морском праве? Мегрэ вытащил из кармана письмо:

- Это послание я получил сегодня утром по почте. Оно без подписи, и я вовсе не уверен, что послано из вашего дома... Я только прошу вас внимательно с ним ознакомиться...

Как ни странно, адвокат стал прежде всего ощупывать бумагу, как если бы у него было особенно развито чувство осязания.

- Похоже, что моя... Такую легко не найдешь... В последний раз я просил своего гравера заказать у фабриканта...

- Это-то обстоятельство и привело меня к вам.

Парандон сменил очки, скрестил свои короткие ножки и стал читать, шевеля губами, а иногда бормоча отдельные слоги:

"Скоро должно произойти убийство... Быть может, его совершит человек, которого я знаю, а может быть, и я сам..."

Он внимательно перечел этот абзац.

- Можно сказать, что тщательно подбиралось каждое слово, не так ли?

- И мне так показалось.

"...Она в каком-то смысле неизбежна..."

- Эта фраза мне нравится меньше. Она слишком цветиста. Потом, возвращая листок Мегрэ и снова сменив очки, произнес:

- Любопытно...

Этот человек не любил громких фраз и не терпел напыщенности. Любопытно... Этим и ограничивались его комментарии.

- Меня поразила одна деталь, - пояснил Мегрэ. - Автор письма называет меня не просто комиссаром, как это делает большинство, а моим официальным титулом: Господин дивизионный комиссар.

- Я об этом тоже подумал. Вы поместили объявление?

- Да. Сегодня вечером оно появится в "Монд", а завтра утром в "Фигаро".

Странно, что Парандон не был удивлен или, во всяком случае, не показывал виду. Он глядел в окно на узловатый ствол каштана, как вдруг его внимание привлек легкий шум. Но и это его не удивило, и, повернувшись к двери, он пробормотал:

- Входи, дорогая...

И, поднимаясь, добавил:

- Знакомься: комиссар Мегрэ собственной персоной.

Это была женщина лет сорока, элегантная, со стремительными движениями и быстрыми глазами. Коротким, цепким взглядом она окинула комиссара с ног до головы. И будь даже где-нибудь на его левом ботинке небольшое пятнышко, оно не ускользнуло бы от ее внимания.

- Я очень рада, комиссар... Надеюсь, вы пожаловали к нам не для того, чтобы арестовать моего мужа? С его слабым здоровьем вам сразу бы пришлось определить его в тюремную больницу...

В ее словах не чувствовалось подвоха. Она сказала это без злобы, с игривой улыбкой, но все же сказала.

- Речь идет, конечно, о ком-нибудь из наших слуг?

- Никаких жалоб я не получал. И кроме того, это входит в компетенцию полицейского участка вашего района.

Она сгорала от нетерпения узнать причину его визита. Парандон понимал это не хуже, чем Мегрэ, но оба, словно забавляясь, не сделали и малейшего намека.

- Вам понравился наш арманьяк?

Она внимательно поглядела на рюмки.

- Надеюсь, дорогой, ты выпил капельку? Она была в светлом, уже весеннем костюме.

- Итак, господа, не буду вам мешать... Хочу только предупредить тебя, дорогой, что я вернусь не раньше восьми... После семи ты можешь застать меня у Гортензии.

Она вышла не сразу, и пока мужчины молча стояли, обошла комнату, подвинула на круглом столе пепельницу и поставила на место снятую с полки книгу.

- Прощайте, мосье Мегрэ... Верьте мне, я была счастлива с вами познакомиться... Вы удивительно интересный человек...

Дверь закрылась. Парандон снова сел, выждал минутку, словно жена могла вернуться, и

наконец засмеялся, как ребенок:

- Вы поняли?

Мегрэ не знал, что ответить.

- Вы удивительно интересный человек. Она в бешенстве от того, что вы ничего не сказали о ее платье, в особенности о том, что она молодо выглядит. Больше всего ее порадовало бы, если бы ее приняли за нашу дочь.

- А у вас есть дочь?

- Да. Восемнадцать лет. Сдала на бакалавра и теперь занимается археологией. Неизвестно, как долго продлится это увлечение... В прошлом голу, например, ей захотелось стать лаборанткой. Я вижу ее очень редко, только за столом, да и то лишь в тех случаях, когда она соизволит откусать с нами... Есть у меня еще сын, Жак. Ему пятнадцать лет, учится в четвертом классе в лицее Расина. Вот и вся моя семья.

Он говорил с удивительной легкостью, будто все это не имело никакого значения. Казалось, он потешался над самим собой.

- Впрочем, я отнимаю у вас время. Так вот, насчет письма... Возьмите с собой образец моей почтовой бумаги... Ваши эксперты смогут установить идентичность, но я заранее уверен в результате.

Он нажал кнопку, подождал, потом повернулся к двери:

- Мадемуазель Ваг, принесите, пожалуйста, конверт. Из тех, что мы посылаем поставщикам. И пояснил:

- Мы расплачиваемся с поставщиками в конце каждого месяца. Было бы слишком официально вкладывать чеки в маркированные конверты. Для этой цели мы пользуемся обычными белыми конвертами.

Молодая девушка принесла образец.

- Вы сможете и это сравнить. Если совпадут и бумага и конверт, у вас будет почти полная уверенность, что письмо отправлено отсюда...

Казалось, это его не слишком тревожило.

- Вы не видите никакой причины, которая могла бы побудить кого-нибудь написать это письмо?

Парандон посмотрел на Мегрэ сначала с удивлением, потом немного разочарованно:

- Причины? Вот не ожидал от вас этого вопроса, мосье Мегрэ. Но я понимаю, вы должны были его задать... Причины... Безусловно, они есть у каждого, сознательно или безотчетно...

- Сколько человек живет в этой квартире?

- Постоянно не очень много... Ну, конечно, жена и я...

- У вас у каждого свои комнаты?

- Как вы угадали?

- Не знаю... Я задал вопрос, не думая...

- Мы действительно живем в разных комнатах. Моя жена любит поздно ложиться и утром долго валяется в постели, а я птаха ранняя. Впрочем, если хотите, можете осмотреть всю квартиру... Должен вам сказать, что я ее не выбирал и оставил все как было. Когда мой тесть (он снова взглянул на портрет председателя кассационного суда) вышел в отставку и поселился в Вандее, дочери устроили нечто вроде семейного совета. Их четыре, и все замужем... Был произведен предварительный дележ наследства, и моей жене досталась эта квартира со всем содержимым, включая отцовский портрет и бюсты.

Он не смеялся, даже не улыбался, но при этом чувствовалась ирония.

- Одна из сестер получит усадьбу в Вандее, в Буванском лесу. Две другие разделят ценные бумаги... Гассены де Болье унаследовали от предков значительное состояние, так что на всех

хватит... Итак, я живу не совсем у себя, а скорее у тестя, и лично мне принадлежат только книги, мебель в моей спальне да еще этот письменный стол...

- Ваш отец ведь жив, не так ли?

- Да, он живет совсем рядом, на улице Миромениль, в квартире, где решил провести остаток своих дней. Вот уже тридцать лет, как он вдовец. Отец был хирургом...

- Знаменитым хирургом...

- Вон что! Вы и это знаете? Следовательно, вам также известно, что он испытывал страсть не к шестьдесят четвертой статье, а к женщинам... Наша прежняя квартира была такой же просторной, как эта, но намного современнее... На улице Агессо... Теперь там живет мой брат, невропатолог, с женой... Так вот, возвращаясь к нашей семье... Я вам уже говорил о моей дочери Полетте и сыне Жаке... Заметьте себе, если хотите заслужить ее расположение, что Полетта заставляет всех называть ее Бэмби, а брата своего упорно называет Гюсом⁵... Думаю, что это пройдет... Впрочем, большого значения это не имеет...

⁵ Гюс - уменьшительное от Гюгюс. Так французские дети называют клоуна.

Перейдем теперь к людям, как сказала бы моя жена. Вы уже видели Фердинанда, дворецкого. Фамилия его - Фошуа... Родом он из Берри, откуда и моя семья... Старый холостяк... Комната его в глубине двора, над гаражом... Лиза, горничная, живет у нас постоянно, а мадам Маршан приходит каждое утро убирать квартиру... Да, я еще не называл мадам Вокен, кухарку. Муж у нее кондитер, она живет своим домом. И каждый вечер после работы торопится... Вы не записываете?

Мегрэ только улыбнулся, потом встал и подошел к пепельнице, достаточно большой, чтобы можно было выколотить трубку.

- Теперь перейдем, если можно так выразиться, к моему штату, продолжал Парандон. - Вы видели мадемуазель Ваг... Это ее настоящая фамилия, и ей она не кажется смешной⁶. Я всегда называю секретарей по фамилии... Она никогда ничего не рассказывает о своей личной жизни, и если бы понадобился ее адрес, пришлось бы заглянуть в досье... Я знаю только, что домой она ездит на метро и никогда не возражает, если я ее задерживаю до вечера на работе... Лет ей, должно быть, двадцать четыре или двадцать пять, и она почти не бывает в дурном настроении... Есть у меня помощник, стажер, очень честолюбивый молодой человек по имени Рене Тортю. Его кабинет в конце коридора. Остается еще наш писец, так мы его называем, молодой человек лет двадцати. Он недавно приехал из Швейцарии, мечтает о поприще драматурга, а пока выполняет различные мелкие поручения... Нечто вроде рассыльного.

Когда мне поручают какое-нибудь дело, - а я занимаюсь делами только очень крупными, где на карту ставятся миллионы, если не сотни миллионов, - мне приходится работать неделю, а то и несколько недель сутками напролет... После этого все входит в обычную колею, и у меня появляется досуг, чтобы...

Он покраснел и улыбнулся.

- ...чтобы заняться, как вы догадываетесь, нашей шестьдесят четвертой статьей... Надеюсь, вы мне когда-нибудь изложите ваши соображения на этот счет, а пока я распоряжусь, чтобы вам разрешили бывать в нашем доме сколько вам будет угодно и отвечали бы откровенно на все ваши вопросы...

Мегрэ с недоумением смотрел на Парандона, стараясь понять, кто же он в действительности: изощренный актер или, напротив того, несчастный человек, находящий утешение в тонком юморе.

- Я приду скорее всего завтра утром, но вас не потревожу.

- В таком случае, вероятно, вас побеспокою я. Они попрощались, и комиссару показалось, будто он пожал руку ребенка.

- Спасибо за прием, мосье Парандон.

- Благодарю вас за визит, мосье Мегрэ,

Адвокат семенящей походкой проводил его до самого лифта.

6 Vague (франц.) - расплывчатый, неясный.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мегрэ снова увидел солнце и почувствовал аромат первых весенних дней, хотя уже пахло пылью. Ангелы-хранители Елисейского дворца по-прежнему прогуливались с равнодушным видом, легким кивком давая понять, что узнали комиссара.

На углу старуха продавала сирень, пахнувшую загородными садами, и Мегрэ едва удержался, чтобы не купить несколько веток. Хорош бы он был, явившись с букетом на набережную Орфевр.

Комиссар испытывал удивительное облегчение. Он вырвался из чуждого ему мира. Двигаясь в потоке прохожих по тротуару, он все еще видел себя в роскошной квартире, где витала тень важного чиновника, который когда-то устраивал там чопорные приемы.

Недаром же Парандон, словно для того, чтобы Мегрэ не чувствовал себя стесненным, выразительно подмигнул ему, давая этим понять:

- Не принимайте всерьез. Это все декорация. Даже морское право баловство, одно притворство.,.

И он заговорил о своей шестьдесят четвертой статье, кото-рая-де интересуется его больше всего на свете. Тоже, видимо, игра.

Если только Парандон не плут. Во всяком случае Мегрэ проникся симпатией к этому гному-попрыгунчику, который пожирал его глазами, будто никогда в жизни не видел комиссара сыскной полиции.

Он воспользовался хорошей погодой, чтобы спуститься по Елисейским полям до площади Согласия, где наконец сел в автобус. Открытой площадки в автобусе не оказалось, поэтому пришлось погасить трубку, пройти внутрь и сесть на скамейку.

Мегрэ вернулся в сыскную полицию как раз в тот час, когда обычно подписывались бумаги, и за каких-нибудь двадцать минут справился с этой обязанностью. Жена очень удивилась, когда в шесть часов вечера он уже вернулся домой да к тому же в отличном настроении.

- Что сегодня на обед?

- Я думала приготовить...

- Ничего не нужно. Пообедаем в городе.

Где угодно, только не дома. День выдался необычный, и хотелось так же необычно провести вечер.

Темнело теперь позже. День заметно прибавился. Они нашли в Латинском квартале ресторан с застекленной верандой, где от жаровни приятно веяло теплом. Ресторан славился дарами моря, и Мегрэ попробовал всего понемножку, даже морских ежей, доставленных несколько часов назад самолетом с юга.

Жена поглядела на него с улыбкой:

- Можно подумать, что ты доволен сегодняшним днем.

- Так оно и есть. Я познакомился со странным субъектом. Странный дом... Странные люди...

- Преступление?

- Неизвестно... Пока оно еще не произошло, но может произойти не сегодня - завтра... И если это случится, я окажусь в идиотском положении.

Мегрэ редко говорил с женой о делах, которые вел. Чаще она узнавала подробности из газет и по радио, чем от мужа. Но на этот раз он не устоял перед желанием показать ей письмо.

Они ели жареную барабульку, запивая выдержанным "Пуйи", аромат которого разносился вокруг. Затем им подали десерт.

- На, прочитай!

Возвращая листок, мадам Мегрэ с удивлением взглянула на мужа:

- Это писал мальчик?

- В доме действительно есть мальчик. Я его еще не видел... Но там есть мальчики и постарше, мальчики под сорок и под пятьдесят.

- Ты веришь тому, что здесь написано?

- Кому-то понадобилось, чтобы я проник в дом. Иначе бы не воспользовались почтовой бумагой, которую можно во всем Париже найти только в двух магазинах.

- Если он замышляет преступление...

- Он не говорит, что замышляет преступление. Он пишет, что пока ему неизвестно, кто будет виновником.

На этот раз мадам Мегрэ не приняла дело всерьез:

- Вот увидишь, это тебя разыгрывают...

Мегрэ заплатил по счету. Погода была такой чудесной, что они нарочно сделали круг, чтобы прийти через остров Сен-Луи.

Ни улице Сент-Антуан он снова увидел сирень и на этот раз вернулся домой с букетом.

На следующее утро солнце светило так же ярко, и воздух был не менее прозрачен, но этого уже никто не заметил. Люка, Жанвье и Лапуэнт, каждый со своим донесением, уже дожидались комиссара в кабинете, но Мегрэ, войдя, прежде всего стал рыться в грудe почты.

Он совсем не был уверен, что найдет письмо. Ведь объявление в "Монд" появилось только вчера вечером и лишь сегодня утром могло попасть на страницы "Фигаро".

- Есть! - воскликнул он, помахивая письмом в воздухе.

Тот же конверт, те же старательно выведенные печатные буквы, та же отрезанная сверху почтовая бумага.

Но теперь его больше не называли дивизионным комиссаром, и тон был совсем другой:

"Вы допустили оплошность, мосье Мегрэ, посетив дом до получения моего второго письма. Они все переполошились, и это грозит ускорить события. Теперь преступление может свершиться с часу на час, и в этом будет отчасти и ваша вина.

Я считал вас более терпеливым, более рассудительным. А вы вообразили, что за несколько, часов сможете проникнуть в тайны семьи.

Шлю вам наилучшие пожелания и, несмотря ни на что, не перестаю вами восхищаться".

Трое помощников, стоявшие рядом, прекрасно поняли, как сконфужен Мегрэ, когда он нехотя протянул им листок. Но еще больше поразила их развязность, с какой анонимный автор обращался к их патрону.

- А вы не подумали, комиссар, что какой-то мальчишка решил позабавиться?

- То же самое сказала мне вчера вечером жена.

- А вам как кажется?

- Нет...

Мегрэ не верил, что это грубая шутка. Но, с другой стороны, ничего тревожного в доме он не ощутил. Все было размеренно, чинно, упорядочено. Дворецкий принял его со спокойным достоинством. Секретарша с забавной фамилией оказалась живой и симпатичной. Что касается Парандона, то, вопреки своей странной внешности, он выглядел человеком жизнерадостным.

Но ведь и Парандон не принял эти за шутку. И совсем не протестовал против вторжения полиции в его частную жизнь. Он непринужденно беседовал на самые различные темы, много говорил о шестидесяти четвертой статье. Как знать, не мучила ли его затаенная тревога?

Во время утреннего рапорта Мегрэ и словом не обмолвился о Парандоне. Он понимал, что его коллеги только пожали бы плечами, решив, что он занимается бессмысленным делом.

- А у вас какие новости, Мегрэ?

- Жанвье вот-вот должен задержать убийцу почтальонши... Мы почти уверены, что это он, но решили выждать, чтобы выяснить, был ли тут сообщник... Подозреваемый живет с молодой женщиной, она беременна...

Текучка. Обычные дела. Рутинка.

Часом позже, переступив порог на улице Мариньи, где швейцар в галунах поздоровался с ним через застекленную дверь привратницкой, он очутился в другом мире.

Дворецкий Фердинанд, беря из его рук шляпу, спросил:

- Вам угодно, чтобы я предупредил мосье Парандона?

- Не нужно. Проводите меня в комнату секретарши.

Мадемуазель Ваг! Вот! Наконец-то он вспомнил ее фамилию. Она занимала маленькую комнату, заставленную стеллажами с зелеными папками для бумаг. Мегрэ застал ее за электрической пишущей машинкой последней модели.

- Вы хотели со мной поговорить? - спросила она без всякого смущения.

Девушка встала, огляделась и указала на стул у окна, выходящего во двор.

- К сожалению, здесь нет кресла. Может быть, пройдем в библиотеку или салон?

- Я предпочел бы остаться здесь. - Откуда-то доносился шум электрического пылесоса. В одном из кабинетов тоже стрекотала пишущая машинка. Какой-то мужчина разговаривал по телефону. Комиссар по голосу определил, что это был не Паранлон:

- Конечно, конечно... Я вас прекрасно понимаю, дорогой друг, но закон есть закон, даже если иногда он противоречит здравому смыслу... Конечно, я ему об этом говорил... Нет, он не может вас принять ни сегодня, ни завтра... Впрочем, это ничего бы не изменило.

- Мосье Тортю? - спросил Мегрэ.

Левушка кивнула. В соседней комнате говорил стажер. Мадемуазель Ваг плотно закрыла дверь, и голос умолк, словно выключили радио. Из окна было видно, как шофер в голубом комбинезоне мыл из шланга "роллс-ройс".

- Это машина мосье Парандона?

- Нет, перуанцев, жильцов с третьего этажа.

- А у мосье Парандона тоже есть шофер?

- Да, без шофера ему не обойтись. С таким зрением невозможно водить машину.

- А какая у него машина?

- "Кадиллак"... Мадам ею пользуется чаще, чем он, хотя у нее есть свой собственный маленький английский автомобиль. Вам не мешает шум? Может быть, закрыть окно?

Нет. Водяная струя была частью всего, что его здесь окружало, всей атмосферы этого дома, весны.

- Вы знаете, почему я к вам пришел?

- Я знаю только, что все мы в вашем распоряжении и должны отвечать на ваши вопросы, даже если они покажутся нам нескромными...

Мегрэ опять достал из кармана первое письмо. Когда он вернется на набережную Орфевр, нужно будет непременно снять фотокопию, а то оно в конце концов совсем истреплется.

Пока девушка читала, Мегрэ изучал ее лицо, которое не портили очки в черепаховой оправе. Она не была красива в обычном смысле этого слова, но миловидна. Особенно привлекательными казались пухлые улыбчивые губы со вздернутыми уголками.

- Так вот оно что!.. - сказала она, возвращая письмо.

- Что вы об этом думаете?

- А что думает мосье Парандон?

- То же, что и вы.

- Что вы этим хотите сказать?

- Что он удивился не больше, чем вы.

Она силилась улыбнуться, но чувствовалось, что удар попал в цель.

- А я должна была удивиться?

- Когда сообщают, что в доме скоро может произойти убийство...

- Но ведь это может произойти в любом доме, не так ли? Полагаю, что человек, перед тем как совершить преступление, ведет себя так же, как другие, в противном случае...

- В противном случае мы задерживали бы будущих убийц заранее. Это несомненно...

А ведь здорово, что это пришло ей в голову! За долгие годы работы немногим людям из тех, с кем Мегрэ имел дело, приходила в голову эта простая мысль. . - Я дал объявление. Сегодня утром я получил второе письмо.

И он протянул ей второй листок. Девушка прочитала его с таким же вниманием, но на этот раз уже и с явным беспокойством.

- Я начинаю понимать, - прошептала она.

- Что?

- Что вы встревожились и решили сами взяться за расследование этого дела.

- Позвольте закурить?

- Прошу вас. Здесь даже и мне разрешено, а в других комнатах нет.

Она закурила сигарету, непринужденно, без эффектации, присущей большинству женщин. Чувствовалось, что мадемуазель Ваг курит просто для разрядки. Она немного откинулась назад на своем вертящемся стуле, стоявшем перед пишущей машинкой. Ее комната совсем не походила на кабинет. Если стол для пишущей машинки был металлическим, то рядом стоял другой ' красного дерева, очень красивый, в стиле Людовика XIII.

- А что, молодой Парандон озорник?

- Гюс? Вот уж совсем не озорник. Он умный, но замкнутый. В лице он всегда первый, хотя никогда не учит уроков.

- Чем увлекается?

- Музыкой и электроникой... Устроил у себя в комнате настоящий радиоконбайн с магнитофоном, со стереофоническими динамиками, выписывает целую кучу научных журналов. -Вот, посмотрите, это только сейчас доставили утренней почтой. Я отношу их к нему в комнату... "Электроника завтра".

- Часто он уходит из дому?

- По вечерам я здесь не бываю. Думаю, что нет.

- А друзья у него есть?

- Иногда заходит один приятель. Они вместе слушают музыку и делают какие-то опыты.

- В каких отношениях он с отцом?

- Вопрос несколько озадачил ее. Немножко подумав, она ответила с виноватой улыбкой:

- Не знаю даже, что вам сказать. Я уже пять лет работаю у мосье Парандона. Это мое второе место в Париже...

- А где было первое?

- В торговом доме на улице Реомюра. Там я чувствовала себя несчастной. Работа меня совсем не интересовала...

- Кто вас сюда порекомендовал?

- Рене... Я хочу сказать, мосье Тортю... Он сказал мне, что здесь есть место...

- Вы его хорошо знаете?

- Мы ужинаем в одном и том же ресторане, на улице Коленкур.

- Вы живете на Монмартре?

- Да. На площади Константен-Пекэр.

- Тортю был вашим дружкой?

- Прежде всего, рост ух этого "дружка" около двух метров... Кроме того, между нами ничего не было, если не считать одного раза...

- Одного раза?

- Я получила указание быть с вами предельно откровенной.

- Почему вы больше к этому не возвращались?

- Мы не подходим друг другу, мы это сразу почувствовали... В общем, не сошлись... Но мы остались в приятельских отношениях.

Мегрэ медленно курил трубку, пытаясь проникнуть в этот мир, который еще вчера был для него совсем чужим и так внезапно вторгся в его жизнь.

- Раз уж мы коснулись этой темы, мадемуазель Ваг, позвольте вам задать еще один нескромный вопрос. Вы живете с Парандоном?

У нее была своя манера держаться. Сначала она внимательно, с серьезным видом выслушивала вопрос, потом, немного поразмыслив, отвечала с иронической и в то же время доверчивой улыбкой.

- В известном смысле да. У нас бывают минуты близости, но всегда урывками.

- Тортю это знает?

- Разговора у нас не было, но он должен догадываться.

- Почему?

- Когда вы здесь освоитесь, вы поймете. Сколько людей бывает здесь за день! Мосье и мадам Парандон, двое детей. Это уже четверо... Три человека в конторе у мосье - семеро... Фердинанд, кухарка, горничная, уборщица - одиннадцать человек... Не считая массажиста мадам, который приходит по утрам четыре раза в неделю... Потом ее сестры... Подруги дочери... Хоть комнат в квартире много, но все равно, куда ни пойдешь - на кого-нибудь наткнешься... А у меня тут и говорить нечего...

- Почему?

- Потому что ко мне каждый приходит за бумагой, за марками, за скрепками... Если Гюсу требуется бечевка, он роется в моих ящиках... Бэмби нужны то марки, то клейкая лента... Что касается мадам...

Мегрэ смотрел на нее с любопытством, ожидая продолжения.

- Она вездесуща... Правда, она частенько отлучается, но никогда не знаешь, дома она или нет... Вы заметили, что все коридоры и большинство комнат обиты трипом... Шагов не слышно... Вы сидите, и вдруг дверь распахивается, кто-то входит... Иногда мадам заглянет в мою дверь и тут же, будто ошиблась, говорит: "Ах, простите!"

- Она любопытна?

- Скорее взбалмошна... Если только это не мания...

- Она никогда не заставляла вас с мужем?

- Не уверена... Однажды, перед рождеством, когда мы думали, что она у парикмахера, мадам вошла в довольно неподходящий момент... Мне кажется, мы успели привести себя в порядок. Я так думаю, но полной уверенности у меня нет... Она держалась как ни в чем не бывало и стала рассказывать мужу о подарке, который только что купила для сына.

- Она не изменила к вам отношения?

- Нет. Она по-прежнему любезна со всеми и держится так, будто парит над нами, как ангел-хранитель... Про себя я ее так и называю.

- Вы ее не любите?

- Себе в подруги я бы ее не выбрала, если вы это имеете в виду.

Прозвенел звонок, и девушка с облегчением встала.

- Простите, меня зовет патрон...

Взяв на ходу блокнот для стенографирования и карандаш, она скрылась за дверью.

Мегрэ остался один и уставился в окно, куда еще не проникало солнце. Шофер протирает теперь "роллс-ройс" куском замши, насвистывая какой-то привязавшийся мотив.

Мадемуазель Ваг не возвращалась, а Мегрэ продолжал сидеть на стуле у окна, не проявляя нетерпения, хотя вообще терпеть не мог ждать. Следовало бы пройти по коридору, заглянуть в комнату Тортю и Жюльена Бода, но он не мог заставить себя подняться и сидел с полужакрытыми глазами, переводя взгляд с одного предмета на другой.

Стол на тяжелых дубовых ножках, служивший ей для работы, был украшен строгой резьбой. Видимо, раньше он находился в другой комнате. От времени столешница блестела как полированная. Под рукой лежал бежевого цвета бювар с кожаными углами, а в открытой коробке - карандаши, авторучки, резинки и ножтскребок для подчистки помарок. На отдельном столике стояла Пишущая машинка; рядом с ней лежал словарь.

Вдруг Мегрэ нахмурил брови, нехотя поднялся и подошел к столу поближе. Он не ошибся. На столе виднелась тонкая бороздка, вероятно, след от ножа, которым, должно быть, совсем недавно отрезали полоску бумаги. Рядом с коробкой для карандашей Мегрэ увидел плоскую металлическую линейку.

- Вы тоже заметили?

Мегрэ вздрогнул от неожиданности: он не слышал, как вошла мадемуазель Ваг; она по-прежнему держала в руках блокнот.

- О чем вы говорите?

- Об этой царапине. Что за безобразие портить такой чудесный стол!

- Вы не знаете, кто это мог сделать?

- Любой, кто сюда заходит. Я вам уже говорила, что ко мне ходят все, кому не лень.

Теперь ему не придется искать. Еще накануне он решил осмотреть в ломе все столы, так как заметил, что бумага была отрезана очень ровно, словно на машине Массико 7.

- Если вы не против, мосье Парандон хотел бы минутку с вами поговорить.

Мегрэ обратил внимание, что в блокноте ничего не было записано.

7 Массико - изобретатель машины для подрезывания бумаги по краям

- Вы рассказали ему о нашем разговоре? Она ему ответила без стеснения:

- Да.

- И о том, что мы касались ваших отношений с ним?

- Разумеется.

- Не для этого ли он вас и вызывал?

- Нет. Ему действительно понадобилось получить у меня справку по делу, которое он сейчас ведет.

- Я скоро к вам вернусь. Думаю, что теперь меня провожать не нужно.

Она улыбалась.

- Еще бы. Ведь он разрешил вам ходить по квартире, как у себя дома. Не так ли?

Мегрэ постучался в высокую дубовую дверь, толкнул створку и застал маленького адвоката перед огромным столом, на этот раз заваленным официальными бумагами.

- Прошу вас, мосье Мегрэ... Извините, что прервал ваш разговор... Я не знал, что вы беседуете с моей секретаршей... Итак, вы понемногу начинаете знакомиться с нашим домом...

- Не будет ли нескромным, если я попрошу вас взглянуть на второе письмо?

Мегрэ любезно протянул листок, и ему показалось, что и без того бледное лицо адвоката стало восковым. Голубые глаза уже не искрились за стеклами очков, а тревожно и грустно смотрели на Мегрэ.

- Преступление может свершиться с часу на час... Вы в это верите?

Мегрэ, глядя на него в упор, в свою очередь спросил:

- А вы?

- Не знаю. Сейчас уже совсем ничего не понимаю. Вчера я к этому отнесся более легкомысленно. Я не думал, что это злая шутка. Я считал, что дело идет о маленькой мести, довольно хитроумной, но в общем наивной и безобидной.

- Мести? Кому?

- Мне... Моей жене... Кому угодно в доме... Ловкий способ ввести в дом полицию, чтобы нас замучили допросами и расследованиями.

- Вы рассказали об этом вашей жене?

- Я был вынужден это сделать. Ведь она застала вас в моем кабинете.

- Вы могли ей сказать, что я пришел посоветоваться с вами по профессиональному вопросу...

Лицо Парандона выразило удивление...

- Неужели вы полагаете, что мадам Мегрэ удовольствовалась бы подобным объяснением?

- Моя жена никогда не задает мне вопросов.

- А моя залает. И повторяет их без конца, как вы на допросах, если верить газетам. Она будет приставать до тех пор, пока не почувствует, что вывернула вас наизнанку. Но так как этого ей мало, она начнет по мелочам выпытывать все, что можно, у Фердинанда, кухарки, моей секретарши, детей.

Он не жаловался. В его голосе не чувствовалось горечи. Скорее, сквозило восхищение, будто он говорил о феномене, чьим способностям нельзя не удивляться.

- Что же она сказала?

- Что это мстит нам кто-нибудь из слуг.

- А есть у них основания жаловаться?

- Основания всегда найдутся. Например, мадам Вокен, кухарка, когда у нас званый обед, задерживается на работе допоздна, тогда как уборщица, хоть гром греми, уходит ровно в шесть. Ну, а уборщица получает на двести франков меньше. Я думаю, вам это понятно...

- А Фердинанд?

- Знаете ли вы, что Фердинанд, хотя на вид он такой спокойный и выдержанный, в войну был легионером и принимал участие в десантных операциях? Никто не интересуется, что он делает по вечерам в своей комнате над гаражом, бывает ли кто-нибудь у него, куда он ходит...

- А вы разделяете мнение вашей жены? Адвокат колебался, но решил быть откровенным:

- Нет.

- Почему?

- Никто из них не мог бы так написать, в таких словах и выражениях.

- Есть у вас лома оружие?

- У жены два охотничьих ружья. Ее часто приглашают на охоту. А я даже стрелять не умею.

- Из-за плохого зрения?

- Я ненавижу убивать животных.

- Револьвер у вас есть?

- Старый браунинг, в ящике ночного столика. Привычка, присущая многим... Говорят, если воры... Он тихонько засмеялся.

- Самое большое, я мог бы их напугать. Вот, смотрите!

Он выдвинул ящик письменного стола и показал коробку с патронами.

- Револьвер в моей комнате, на другой половине квартиры, а патроны здесь... Это повелось с тех пор, как дети были маленькими и я боялся несчастного случая... Сейчас я думаю, что они уже достаточно взрослые, я мог бы его зарядить.

Он продолжал рыться в ящике и на этот раз вынул американский кастет.

- Знаете, откуда у меня эта игрушка? Три года назад, к моему крайнему изумлению, я был вызван к полицейскому комиссару. Там меня спросили, есть ли у меня сын по имени Жак. Гюсу тогда было двенадцать лет. При выходе из лица мальчишки затеяли драку, и полицейский обнаружил у Гюса этот кастет... Вернувшись домой, я допросил сына, и он сознался, что получил его у товарища в обмен на шесть пакетов жевательной резинки!

Парандон улыбался, вспоминая это забавное происшествие.

- Он трудный мальчик?

- У него был трудный период между двенадцатью и тринадцатью годами. Случалось, он выходил из себя, но быстро успокаивался. Особенно нетерпим он был к сестре, если та осмеливалась сделать ему замечание. Но это прошло. Я сказал бы, что теперь, на мой взгляд, он даже слишком спокойный, слишком замкнутый.

- Есть у него друзья?

- Я знаю только одного, он довольно часто приходит к нему, и они вместе слушают музыку. Некий Женювье, сын кондитера из предместья Сент-Онорэ... Должно быть, вы слышали его имя... Хозяйки приходят к нему в магазин даже издалека...

- Если вы не возражаете, я поговорю еще с вашей секретаршей.

- Какое она произвела на вас впечатление?

- Умна... Непосредственна и вместе с тем вдумчива... Видимо, эти слова понравились адвокату, и он пробормотал вполголоса:

- Она мне очень дорога...

Парандон снова погрузился в свои бумаги, а Мегрэ вернулся в комнату мадемуазели" Ваг. Левушка даже не делала вида, что работает, она явно его ждала.

- Один вопрос, мадемуазель, хотя он может показаться вам нелепым... Что, сын Парандона... Жак...

- Здесь все его зовут Гюсом...

- Так вот, этот Гюс уже приударял за вами?

- Да ему же всего пятнадцать лет!

- Знаю. Но именно этому возрасту свойственно повышенное любопытство к некоторым сторонам жизни, пробуждение чувств...

Мадемуазель Ваг задумалась. Как и Парандон, она всегда задумывалась, словно адвокат приучил ее к точности.

- Нет, - сказала она наконец. - Когда я его увидела в первый раз, он был еще совсем ребенком. Он приходил просить у меня марки для коллекции и растаскивал уйму карандашей и резинок. Иногда просил помочь ему в уроках. Он садился там, где сидите вы, и с важным видом наблюдал, как я работаю...

- А теперь?

- Теперь он на полголовы выше меня и уже год как бреется. Если ему и случается что-нибудь у меня стянуть, так только сигареты, когда забудет купить.

Мадемуазель Ваг вдруг потянулась за сигаретой, а Мегрэ тем временем стал медленно набивать свою трубку.

- Теперь он к вам заходит чаще, чем прежде?

- Напротив. Я, кажется, уже говорила вам, что у него своя жизнь, и с домашними он

встречается только за столом. Когда в доме гости, он в столовую даже не заходит и предпочитает есть на кухне.

- А какие у Гюса отношения с прислугой?

- Для него нет разницы между людьми. Даже когда он опаздывает, он не соглашается, чтобы шофер отвез его в лицей. Боится, что товарищи увидят его в лимузине...

- Видимо, ему неловко, что он живет в таком богатом доме?

- В общем, да.

- А отношения с сестрой у него стали лучше?

- Не забывайте, что я у них не столуюсь и редко вижу их вместе. На мой взгляд, он смотрит на нее, как на забавное существо, и пытается разгадать механизм, который приводит это существо в движение...

- А с матерью он как?

- Она для него слишком шумная... Я хочу сказать, что она всегда в движении, всегда рассказывает о куче незнакомых людей...

- Понимаю... Ну, а дочка? Кажется, ее зовут Полетта?

- Дома все называют ее Бэмби... Тут ведь у обоих детей свои прозвища... Гюс и Бэмби... Видно, и меня они как-нибудь окрестили за глаза... Занятно, как...

- Какие у Бэмби отношения с матерью?

- Плохие...

- Часто спорят?

- Даже не спорят... Просто почти не разговаривают.

- А кто в этом виноват?

- Думаю, что Бэмби... Вы ее увидите... Она хоть и молодая, но относится к окружающим критически, и по тому, какие она бросает взгляды, видно, что судит их довольно строго.

- То есть несправедливо?

- Не всегда.

- А с вами она ладит?

- Меня она терпит.

- Заходит иногда к вам?

- Только когда ей нужно отпечатать какую-нибудь лекцию или сделать фотокопию.

- Она никогда не рассказывала вам о своих подругах, друзьях?

- Никогда.

- Как вам кажется, знает она о вашей связи с отцом?

- Никогда об этом не думала. Каждый мог нас застать врасплох.

- А отца она любит?

- Скорее, относится к нему покровительственно... Она, должно быть, считает его жертвой матери. Мне кажется, Бэмби не выносит мать за то, что она играет в семье слишком большую роль.

- А сам Парандон играет не слишком большую роль?

- Да, не из первых...

- И он никогда не пытался...

- Может, и пытался, давно, когда я еще здесь не работала, но, видно, понял, что битвы ему не выиграть.

- ...и замкнулся в своей раковине?... Она засмеялась:

- Не настолько, как вы думаете. Он в курсе всего, что происходит в доме... Он не выспрашивает, как мадам Парандон, а довольствуется тем, что слушает, наблюдает, делает выводы. Это удивительно умный человек...

- У меня тоже сложилось такое впечатление.

Он увидел, что эти слова привели ее в восторг. Девушка вдруг посмотрела на него дружески, будто он нашел путь к ее сердцу. И Мегрэ стало ясно, что если она вступила в интимные отношения с Парандоном, то вовсе не потому, что он ее патрон, а потому, что питала к нему настоящие чувства.

- Бьюсь об заклад, что у вас нет любовника...

- Это верно. Мне и не хочется...

- Вы не страдаете от того, что живете в одиночестве?

- Напротив. Невыносимо иметь под боком человека, который тебе неприятен... Тем более спать с ним...

- А мимолетные увлечения?

И снова, как при каждом вопросе, он уловил в ее коротком раздумье колебание: сказать или не сказать правду...

- Иногда... Очень редко...

И с забавной гордостью, будто изрекая свое кредо, добавила:

- Но только не у меня дома...

- Каковы отношения у Гюса с отцом? Я уже задавал вам этот вопрос, но разговор ушел в сторону...

- Гюс его обожает, но восхищается издали. Знаете ли, чтобы их по-настоящему понять, вам бы следовало познакомиться со всей семьей, но, боюсь, тогда ваше расследование никогда не закончится... Квартира, как вы знаете, принадлежала Гассену де Болье и полна воспоминаниями о нем... Он был председателем кассационного суда. Три года назад, когда он уже совсем одряхлел, он уехал к себе в Вандею и с тех пор живет там безвыездно в своем имении. Раньше он приезжал на недельку-другую в Париж, в доме есть его комната, и стоило ему появиться, как он снова становился хозяином дома...

- Значит, вы его знали?

- Очень хорошо. Он диктовал мне всю свою корреспонденцию.

- Что это за человек? Судя по портрету...

- Тому, что в кабинете у мосье Парандона? Если вы видели портрет, считайте, что видели и оригинал... О таких, как он, говорят неподкупный и просвещенный деятель... Вы понимаете, что я хочу сказать? Представьте себе человека, считающего себя центром вселенной, словно это памятник, только что сошедший со своего пьедестала... Пока он здесь жил, все холили на цыпочках и говорили шепотом. Дети - тогда они были маленькие - буквально трепетали перед ним... Совсем другое дело отец мосье Парандона, хирург...

- Он у них бывает?

- Очень редко. Об этом я и хотела вам рассказать. Вы, конечно, знаете его историю. Сын крестьянина из Берри, он так и остался мужиком, охотно употребляя даже во время лекций простонародные словечки. Еще несколько лет назад он был совсем крепким. Живет старик в двух шагах отсюда, на улице Миромениль; бывало, он частенько заходил в гости. Дети его обожали... Но это не всем нравилось...

- Особенно мадам Парандон...

- Разумеется, симпатии они друг к другу не питали... Я не знаю подробностей... Слуги намекали на какую-то скандальную сцену, которая здесь как-то произошла... Факт тот, что старик больше сюда не заходит, и сын каждые два-три дня к нему навещается...

- Значит, Гассены взяли верх над Парандонами?

- Больше, чем вы думаете...

Дым от трубки Мегрэ и сигареты мадемуазель Ваг синей пеленой расстился по комнате.

Девушка встала и шире открыла окно, чтобы дать доступ свежему воздуху.

- А как же иначе, - продолжала она насмешливо. - У детей столько теток, дядюшек, двоюродных братьев и сестер с материнской стороны... У мосье Гассена де Болье четыре дочери, и все они живут в Париже, а у тех свои дети, целая куча, от десяти до двадцати двух лет... Кстати, одна из дочерей прошлой весной вышла замуж за чиновника, ведающего отделом в Морском министерстве... Вот вам сведения о клане Гассена де Болье... Если вы хотите, я могу составить список с именами мужей...

- Думаю, что пока это не требуется... И часто они здесь бывают?

- То одна сестра, то другая... Хотя они и замужем, но приходят сюда как в отчий дом...

- Тогда как...

- Вы поняли все до того, как я вам успела объяснить... Брат мосье Парандона, Жермен, - врач, специалист по детской невропатологии. Он женат на бывшей актрисе, которая до сих пор осталась очень молодой и пикантной.

- Он похож на..?

Мегрэ не без стеснения задал этот вопрос, но девушка поняла.

- Нет, на брата он не похож, он такой же крепкий и широкий в плечах, как отец, но чуть выше ростом. Очень красивый мужчина и, сверх ожидания, очень мягкий. Супруги бездетны, редко наносят визиты, а у себя принимают только нескольких близких друзей...

- Но в этом доме они не бывают... - вздохнул Мегрэ, который начинал уже отчетливо представлять все семейные отношения Паранлонов.

- Мосье Парандон ходит к ним по вечерам, когда у его жены играют в бридж. Сам он ненавидит карты. Иногда мосье Жермен приходит к брату и беседует с ним в кабинете. Я узнаю это утром по запаху сигареты.

Внезапно в Мегрэ произошла какая-то перемена. Тон его уже не был ни строгим, ни угрожающим, но в его голосе и взгляде теперь не было и оттенка недавней легкости и шутливости.

- Послушайте меня, мадемуазель Ваг. Я уверен, что вы мне отвечали с полной откровенностью, а некоторые вещи говорили даже до того, как я успел вас спросить. Мне остается задать вам еще один вопрос, последний, и я прошу вас быть со мной столь же откровенной. Итак, верите ли вы, что эти письма могут быть шуткой?

Девушка ответила без колебания:

- Нет!

- Чувствовали ли вы до-появления этих писем, что в доме назревает драма?

На этот раз она выждала, зажгла новую сигарету и произнесла:

- Может быть.

- Когда вы это почувствовали?

- Не знаю... Я пытаюсь вспомнить... Может быть, после каникул... Во всяком случае, где-то в это время...

- Что же вы заметили?

- Ничего особенного... Но это носилось в воздухе... Я бы сказала, какая-то гнетущая атмосфера...

- Кому же, на ваш взгляд, грозит опасность? Она внезапно покраснела и смолкла.

- Почему вы не отвечаете?

- Вы прекрасно знаете, что я сейчас скажу: мосье Парандону. Мегрэ со вздохом поднялся:

- Спасибо. На сегодня достаточно. Мне кажется, что я вас порядком измучил. Вероятно, я скоро к вам опять загляну.

- Вы хотели бы еще с кем-нибудь поговорить?

- Только не сейчас... Скоро уже полдень... Пора закусить... И так, до свидания...

Она посмотрела ему вслед, как он тяжело ступал, грузный, неловкий, а когда Мегрэ закрыл за собой дверь, вдруг разрыдалась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На улице Миромениль сохранился захудалый ресторанчик, обломок старины, где меню по-прежнему выписывали на грифельной доске, а через стеклянную дверь кухни можно было видеть хозяйку, толстуху с ногами, как колонны, священнодействующую у плиты.

У завсегдатаев были для салфеток собственные ящики, и они хмурили брови, если их место оказывалось занятым. Но это случалось редко. Официантка Эмма не любила чужую публику. Сюда приходили старые инспектора с улицы Соссэ да клерки, каких теперь уже редко увидишь и которых представляешь себе не иначе, как стоящими в люстриновых пиджаках за старомодными почернелыми конторками.

Хозяин, сидевший за кассой, узнал Мегрэ и вышел, ему навстречу:

- Давненько вы у нас не были... Но можете гордиться, у вас есть нюх... Сегодня в меню свиные колбаски...

Мегрэ любил иногда закусить в одиночестве, разглядывая обветшалую обстановку, людей, чаще всего работавших в каком-нибудь убогом заведении на задворках, где неожиданно можно натолкнуться на контору нотариуса или ростовщика, на крохотный магазинчик ортопедической обуви и протезов, на лавчонку филателиста.

Здесь Мегрэ, по его собственному выражению, медленно пошевеливал мозгами. Его не одолевали думы. Мысли блуждали с одного на другое, один образ сменялся другим, воспоминания причудливо сплетались с насущными делами.

Парандон произвел на него неотразимое впечатление. Мегрэ жевал сочные хрустящие колбаски с жареным картофелем, который, слава богу, не отдавал пригоревшим салом, а воображение вновь и вновь рисовало ему этого маленького человечка, этого гнома, такого трогательного. Или, может быть, страшного?

- Статья шестьдесят четвертая, Мегрэ... Не забудьте про шестьдесят четвертую статью!..

Навязчивая идея? Но почему этот деятельный адвокат, к которому приезжали с разных концов света и платили огромные деньги за консультации по морским делам, был так заморожен той единственной статьей кодекса, которая, в конечном счете, трактовала вопрос о человеческой ответственности?

И как же осторожно она ее трактовала! Не давая ни малейшего определения безумию. Ограничивая его моментом действия, иначе говоря, моментом совершения преступления.

Мегрэ знал нескольких старых врачей, собаку съевших на психиатрической экспертизе; судьи охотно прибегали к их помощи, ибо эти знатоки психиатрии не любили входить в тонкости дела.

Ограничивая ответственность, преступника, эксперты принимали в расчет только органические заболевания мозга или врожденное слабоумие да еще эпилепсию, поскольку об этом недуге говорится в следующей статье уголовного кодекса.

Но как установить, был ли убийца в здравом уме в ту минуту, когда совершил преступление? Тем более можно ли утверждать, что он был в состоянии противиться аффекту?

Статья шестьдесят четвертая, Мегрэ немало спорил о ней, в частности, со своим старым другом Пардоном. О ней дискутировали почти на каждом конгрессе Международного общества криминалистов. О ней были написаны десятки и сотни трудов, в подавляющем большинстве собранных на книжных полках в кабинете Парандона.

- Ну как? Хороши колбаски?

И жизнерадостный хозяин наполнил стакан Мегрэ вином, не слишком выдержанным, зато

сохранившим вкус винограда.

- Могу сказать, что ваша жена все такая же мастерица.

- Она будет в восторге, если перед уходом вы ей это скажете сами...

Квартира на улице Мариньи была под стать такому человеку, как Гассен де Болье, сжившемуся с судейской мантией. Командор ордена Почетного легиона, уж он-то никогда не ставил под сомнение ни Кодекс, ни право, ни себя самого.

Вокруг Мегрэ сидели за столиками люди худощавые и толстяки, одним было под тридцать, другим за пятьдесят. Почти все они ели в одиночестве, устремив взгляд в пустоту или уставившись в страницу газеты. И всех их объединял тот особый налет, который появляется от скудной и монотонной жизни.

Человек склонен представлять других людей такими, какими бы ему хотелось их видеть. Однако у одного был кривой нос, у другого скошенный подбородок, у этого - одно плечо значительно ниже, тогда как его сосед чрезмерно толст. Почти половина были лысые, и подавляющее большинство носило очки.

Но почему Мегрэ об этом подумал? Да просто так. Потому, что Парандон в своем кабинете показался ему похожим на гнома, а некоторые, кто позлее, называли бы его мартышкой.

А мадам Парандон... Он видел ее только мельком. Она появилась лишь на мгновение словно для того, чтобы предстать перед ним во всем своем великолепии. Что могло соединить этих двух людей? Была ли это случайная встреча или результат каких-нибудь семейных сделок?

И у этой четы сын, который занимается у себя в комнате - мастерит электронные приборы и слушает музыку. С товарищем, сыном кондитера. К счастью для него, он выше и крепче отца и, если верить мадемуазель Ваг, мальчик спокойный.

Была еще его сестра, Бэмби. Она изучала археологию. Интересно, думает ли она всерьез в один прекрасный день отправиться на раскопки в пустыни Ближнего Востока или занимается своей археологией лишь для отвода глаз?

А мадемуазель Ваг, так горячо защищавшая своего патрона, с которым они любили только урывками в уголке...

Почему, черт возьми, они не могут встречаться в другом месте? Неужели оба так боятся мадам Парандон? А может быть, чувствуя себя виноватыми, они стараются придать этой связи беглый, мимолетный характер?

Были еще слуги: Фердинанд, в прошлом легионер, а ныне дворецкий, кухарка и горничная, которые ненавидели друг друга из-за продолжительности рабочего дня и размера жалованья, была горничная Лиза, которую Мегрэ не видел и о которой как-то мельком упомянули в разговоре.

Был Рене Тортю, которому как-то случилось переспать с секретаршей, а теперь он не спешил жениться на другой, с которой был помолвлен. И Жюльен Бод, начавший свою карьеру в Париже в качестве писца, тогда как истинным его стремлением была драматургия.

На чьей стороне стояли все эти люди? На стороне Гассенов? Или Парандонов?

Во всяком случае, кто-то из них хотел кого-то убить.

А внизу, в швейцарской, как на смех, восседал бывший инспектор сыскной полиции.

Напротив дома - сад президента Республики, и сквозь деревья, которые в этот год стали так рано зеленеть, виднелось знаменитое крыльцо, где репортеры обычно фотографировали хозяина, пожимавшего руки высоким гостям.

Не чувствовалась ли во всем этом какая-то нелогичность? По крайней мере, трактир, в котором сейчас сидел Мегрэ, казался куда реальнее. Это была сама жизнь. Конечно, здесь сидели маленькие люди, но ведь, пожалуй, все и держится на этих маленьких людях, даже если они и менее заметны, одеваются бедно, говорят тише, жмутся к стенке или толпятся в метро...

Мегрэ принесли из буфета ромовую бабу, обильно покрытую кремом изделие, которым тоже славилась хозяйка. И уходя, он не преминул зайти на кухню, чтобы пожать ей руку и поцеловать в обе щеки. Так уж было заведено.

Надеюсь, теперь вы не будете так долго пропадать?

Если дело с убийством затянется, Мегрэ придется заходить сюда не раз.

Мысли его снова перенеслись к убийце. Убийце, который еще не совершил преступления. Потенциальному убийце.

А разве не расхаживали по Парижу тысячи таких потенциальных убийц?

Почему ему понадобилось заранее предупредить Мегрэ? Из каких-то романтических побуждений? Или чтобы казаться интереснее самому себе? А может быть, чтобы заручиться его свидетельством? Или для того, чтобы его успели удержать от этого поступка?

Удержать? Но как?

Мегрэ поднялся по солнечной стороне до Сен-Филипп-де-Руль и повернул налево, иногда останавливаясь возле витрин, где были выставлены дорогие вещи, зачастую бесполезные, но все же находившие покупателей.

Он прошел мимо писчебумажного магазина Романа, постоял, забавляясь чтением фамилий, напечатанных на визитных карточках и приглашениях и попавших сюда, казалось, прямо со страниц Готских Альманахов⁸. Из этого магазина доставлялась почтовая бумага, с которой все и началось. Без этих анонимных писем Мегрэ и по сей день не знал бы о существовании Парандонов, Гассенов де Болье, всех этих дядей, теток, двоюродных братьев и сестер.

Другие люди, как и он, шли по тротуару, наслаждаясь тем, что блаженно щурили глаза от солнца и вдыхали теплый воздух. Ему хотелось плюнуть на все, вскочить в первый автобус с открытой площадкой и вернуться на набережную Орфевр. К чертовой матери всех этих Парандонов! Там, у себя, на набережной Орфевр, он, быть может, застал бы беднягу, который действительно убил человека, потому что не мог действовать иначе, или какого-нибудь молодчика с площади Пигаль, выходца из Марселя или Бастиа, который убрал соперника, чтобы почувствовать себя настоящим мужчиной.

Он уселся на террасе ресторанчика и попросил чашечку кофе. Потом вошел в телефонную кабину и закрыл дверь.

⁸ Готский альманах - генеалогический справочник, выходивший с 1763 года в германском городе Готе на немецком и французском языках

- Говорит Мегрэ... Соедините меня, пожалуйста, с кем-нибудь из моей бригады... Дайте любого... Жанвье, Люка, лучше Лапуэнта...

К телефону подошел Лапуэнт.

- Ничего нового, сынок?

- Звонила мадам Парандон... Хотела говорить с вами лично, и мне с трудом удалось ей объяснить, что вы тоже ходите завтракать, как и все люди.

- А что ей было надо?

- Чтоб вы поскорее пришли к ней.

- К ней?

- Да. Она будет ожидать вас до четырех часов... Потом у нее важное свидание...

- С парикмахером, поди... Это все?

- Нет... Был еще звонок, но это уже, вероятно, трепотня. Полчаса назад телефонистка услышала на проводе чей-то голос, женский или мужской, она не разобрала странный голос, может быть, даже детский. Кто бы это ни был, но человек этот задышался то ли от спешки, то ли от волнения и быстро произнес: "Скажите комиссару Мегрэ, чтобы он поторапливался..."

- Телефонистка не успела ничего спросить. Трубку повесили. На этот раз, поскольку дело

идет не о письме, я подумал... Мегрэ чуть было не ответил: "Чего тут думать..." Комиссар уже не пытался задавать себе вопросы. Он уже не ломал себе голову, пытаясь отгадать загадку. Но это не помешало ему взволноваться.

- Спасибо, сынок. Я как раз снова иду на улицу Мариньи. Если будет что-нибудь новенькое, можешь звонить туда.

Отпечатки пальцев на обоих письмах ничего не дали. Вот уже много лет как компрометирующие следы стали крайне редки. О них столько говорилось в газетах, в романах, по телевидению, что даже самые тупые злоумышленники стали принимать меры предосторожности.

Он снова прошел мимо швейцарской, и бывший инспектор с улицы Соссэ приветствовал его с почтительной фамильярностью. В подворотню въехал "роллс-ройс". Кроме шофера, в машине никого не было. Мегрэ поднялся на второй этаж, позвонил:

- Здравствуйте, Фердинанд...

Не стал ли он уже до некоторой степени своим человеком в ломе?

- Я вас провожу к мадам...

Фердинанд был предупрежден. Она все предусмотрела. Отдав шляпу, как в ресторане, он впервые прошел через огромный салон, который вполне мог бы сойти и за приемную в министерстве. Нигде не видно было ни одной личной вещи, ни брошенного шарфа, ни портсигара, ни открытой книги. В пепельницах ни одного окурка. Три высоких окна выходили в пустынный двор, залитый солнцем. Теперь там уже не мыли машину.

Коридор. Поворот. Дом, видимо, состоял из главного корпуса и двух боковых крыльев, как в старых замках. Красная плюшевая дорожка на мраморном плиточном полу. И здесь все те же высокие потолки, под которыми кажешься себе ниже ростом.

Фердинанд тихонько постучал в двустворчатую дверь, не дожидаясь ответа, открыл ее и произнес:

- Комиссар Мегрэ...

Он очутился в будуаре, где никого не оказалось, но тут же из соседней комнаты к нему вышла с протянутой рукой мадам Парандон.

- Мне очень неловко, мосье комиссар, что я вам звонила, вернее, звонила одному из ваших служащих.

Здесь все было голубым, штофные обои на стенах, обивка на креслах в стиле Людовика XV, мягкая ткань, покрывавшая пол, даже китайский ковер с желтыми рисунками на голубом фоне.

Случайно или намеренно, но в два часа дня она была еще в пеньюаре, тоже голубом, с бирюзовым оттенком.

- Простите, что принимаю вас в своей норе, так я называю эту комнату, но это единственное место, где нас не будут без конца беспокоить.

Дверь, из которой она вышла, была приоткрыта, и был виден туалет, тоже в стиле Людовика XV, из чего следовал вывод, что там была спальня.

- Прошу вас, садитесь...

Она указала рукой на кресло, такое хрупкое, что комиссар опустил в него с осторожностью и сидел, боясь пошевелиться.

- И обязательно закурите вашу трубку...

Даже если у него не было желания! Она хотела видеть его таким, как на фото в газетах. Фотографы тоже никогда не забывали напомнить ему:

- А ваша трубка, мосье комиссар...

Будто он сосал ее с утра до вечера! А если ему хотелось на этот раз выкурить сигарету? Или сигару? Или вовсе не курить?

Ему не нравилось кресло, в которое пришлось сесть. Того и гляди треснет. Не нравился и этот голубой будуар, эта женщина в голубом, которая бросала ему двусмысленные улыбки.

Сама она уселась в удобное глубокое кресло и закурила сигарету. Зажигалка была из золота, такие он видел на витрине у Картье. И портсигар был золотым. В этих комнатах много предметов было из золота:

- Я немного ревную, мосье комиссар, что вы занялись этой маленькой Ваг раньше, чем уделили внимание мне. Сегодня утром...

- Я не осмелился беспокоить вас так рано... Уж не собирался ли он стать светским человеком? Комиссар сам на себя досадовал за свой неожиданный галантный тон.

- Вам, конечно, уже успели доложить, что я встаю поздно и не выхожу из своих комнат до полудня... В общем, это так, но и не так. У меня очень обширная деятельность, мосье Мегрэ, и в действительности я начинаю день довольно рано. Прежде всего, на мне лежит руководство всем домом, а он у нас большой. Если я сама не буду звонить поставщикам, не знаю, что мы будем есть и какие счета получим в конце месяца... Мадам Вокен прекрасная кухарка, но она до сих пор боится телефона и сразу начинает заикаться... Много времени отнимают дети... Хоть они и выросли, все равно приходится заниматься их одеждой, следить за тем, что они делают... Если бы не я, Гюс ходил бы круглый год в тиковых брюках, джемпере и теннисных туфлях... Это еще что!.. Я уже не говорю о делах, которым себя посвящаю... Другие довольствуются тем, что посылают чек и присутствуют на благотворительном коктейле, но когда дело доходит до работы, там Где надо приложить руки - не к кому обратиться...

Мегрэ ожидал, терпеливый, вежливый, такой терпеливый и такой вежливый, что сам удивлялся.

- Я представляю, мосье Мегрэ, что у вас тоже хлопотливая жизнь, ведь вы тоже...

- Но я, мадам, только чиновник...

Она засмеялась, обнажив при этом все зубы и кончик розового языка. Мегрэ поразился, до чего он был острым, этот кончик. Ее светлые волосы отливали медью, а глаза казались зелеными, но скорее были мутно-серыми.

Сколько ей было? Сорок? Немногим больше? Немногим меньше? Сорок пять? Определить было невозможно, настолько ощущалась работа института красоты.

- Нужно будет повторить вашу фразу Жаклине. Это жена министра внутренних дел, одна из моих лучших подруг...

Так-так! Серьезное предупреждение! Она его предупреждает! Пошла сразу с козыря!

- Внешне я кажусь веселой... Я постоянно шучу... Но, верьте мне, это только видимость... В действительности, мосье Мегрэ, я очень обеспокоена тем, что происходит, более чем обеспокоена... А как вы находите моего мужа? - спросила она вдруг, ни с того ни с сего.

- Очень симпатичный...

- Да... Так все говорят... Я имею в виду...

- Он очень умен, удивительно умен и...

Ей не терпелось. Она поняла, к чему он клонит, и не дала договорить. Мегрэ поглядел на ее руки и увидел, что они были гораздо старше, чем лицо.

- Я нахожу его также очень восприимчивым... А еще...

- Будь вы откровенны до конца, вы бы сказали - чрезмерно чувствительным.

Он открыл рот, чтобы ответить, но она уже перехватила инициативу и продолжала:

- В данный момент меня очень пугает, что он так замкнулся в себе. Он страдает. Я знала это всегда. Когда я вышла за него замуж, в моей любви была некоторая доля жалости...

Мегрэ притворился дурачком:

- Но почему?

Вопрос на мгновение поставил ее в тупик.

- Но... Вы же его видели... С детства ему приходилось страдать из-за своей внешности...

- Он невысокого роста, но бывают люди...

- Видите ли, комиссар, - продолжала она нервно, - давайте играть в открытую... Я не знаю, какая над ним тяготеет наследственность, вернее, знаю слишком много. Его мать была сиделкой, вернее санитаркой, и ей не было еще шестнадцати, когда профессор Парандон наградил ее ребенком. Почему он, будучи хирургом, не прибегнул к аборту? Быть может, девчонка угрожала скандалом? Это мне неизвестно, я знаю только, что Эмиль родился семимесячным... недоношенным...

- Большинство недоношенных детей со временем становятся нормальными...

- А вы его находите нормальным?

- В каком смысле?

Она нервным жестом погасила сигарету и зажгла другую.

- Простите меня. У меня создается впечатление, будто вы уклоняетесь, будто не хотите понимать...

- Понимать? Но что?

Она не могла больше сдержаться, вскочила с кресла и стала шагать взад и вперед по китайскому ковру.

- Не хотите понять мое беспокойство. Не хотите понять, почему я, попросту говоря, порчу себе кровь! Вот уже скоро двадцать лет, как я пытаюсь его защитить, сделать счастливым, обеспечить ему нормальную жизнь...

Мегрэ спокойно курил трубку, не сводя с нее глаз. На ней были элегантные домашние туфли, видимо, сделанные на заказ.

- Эти письма, о которых он мне рассказал... Я не знаю, кто их писал, но они достаточно подтверждают мой страх...

- И давно вы живете в такой тревоге?

- Недели... Месяцы... Я не решаюсь сказать - годы... Вначале, после свадьбы, он сопровождал меня, мы выезжали, бывали в театре, обедали в ресторанах...

- Это ему доставляло удовольствие?

- Во всяком случае, это была разрядка... Теперь-то я поняла, что он везде чувствует себя не на месте, стыдится, что у него не такая внешность, как у других, и таким он был всегда... Даже сам выбор его карьеры. Морское право... Могли бы вы мне ответить, почему такой человек, как он, остановился именно на Морском праве? Это словно вызов... Будучи не в состоянии выступать с защитой в суде присяжных...

- Но почему?

Она немного смутилась и посмотрела на него.

- Но, мосье Мегрэ, вы же это понимаете не хуже меня... Представьте себе его, маленького, немощного, бледного. И вот он в огромном зале суда присяжных защищает жизнь человека, совершившего преступление...

Мегрэ сразу же вспомнил, что в прошлом веке знаменитый юрист, одно из светил адвокатуры, был ростом всего в один метр пятьдесят пять сантиметров, но решил ей не возражать.

- Он все время томится... Чем дальше, чем он становится старше, тем больше и больше уединяется, и мне стоит огромного труда вытянуть его из кабинета, уговорить сесть за стол, когда у нас гости...

Мегрэ не стал у нее спрашивать:

- А кто из вас составляет список приглашенных? Он только слушал, смотрел.

* * *

Он только слушал, смотрел и пытался не поддаваться влиянию, ибо тот портрет мужа, который старалась нарисовать эта женщина с перенапряженными нервами и кипучей энергией, был одновременно и правдивым, и ложным.

В чем правдивым?

А в чем ложным?

Это ему и хотелось распутать. Облик Парандона представал ему похожим на фотографию не в фокусе. Контурам не хватало четкости. Черты лица меняли выражение в зависимости от того, под каким углом вы на него смотрели.

Действительно, Парандон замкнулся в свой собственный мирок, который, если так можно выразиться, ограничивался шестьдесят четвертой статьей уголовного кодекса. Ответствен ли человек за свои поступки? Или не ответствен? Многие до него увлекались этим кардинальным вопросом. Начиная с времен средневековья эта проблема обсуждалась даже на Вселенских соборах.

Не стала ли у Парандона эта идея навязчивой? Мегрэ вспомнил свое первое появление в кабинете адвоката, вспомнил, как посмотрел на него Парандон, словно комиссар был само воплощение знаменитой статьи кодекса или, по крайней мере, мог дать исчерпывающий ответ.

Парандон даже не спросил, зачем он пришел, что от него нужно полиции. Он сразу заговорил о статье шестьдесят четвертой, а губы прямо-таки дрожали от страсти.

Это правда, что...

Да, Парандон вел жизнь отшельника в этом доме, который был для него слишком велик, так велик, как мог бы быть ему велик костюм исполина.

Как мог он с его тщедушным телом, с мыслями, которые точили его мозг, как он мог постоянно противостоять этой женщине, такой беспокойной и передававшей свое беспокойство всем, кто ее окружал?

Недоносок - ладно! Пусть даже гном!

Но ведь иногда, когда казалось, что вокруг никого нет, когда выпадал случай, этот гном украдкой занимался любовью с мадемуазель Ваг.

Что во всем этом было правдой, а что ложью? Быть может, и увлечение археологией было у Бэмби своеобразной отдушиной, своеобразным средством, чтобы быть подальше от матери?

- Послушайте, мосье Мегрэ. Я вовсе не легкомысленная женщина, как вам могли меня расписать. У меня есть чувство долга, и я стараюсь быть полезной. Так воспитал нас, меня и сестер, отец. А уж он человек долга...

Увы!.. Комиссар совсем не ценил таких слов. Неподкупный судья, гордость судейского сословия, внушающий своим дочерям чувство долга...

Однако в ее устах они почти не звучали фальшиво. Она не давала собеседнику времени сосредоточиться на том, что горорила, лицо ее было беспокойным, все тело - в движении, а слова быстро следовали за словами, мысли за мыслями, образы за образами.

- Действительно, в этом доме стало страшно... И больше всех это испытываю я... Нет! Только не вообразите, что эти письма писала я... Я слишком прямой человек, чтобы идти окольными путями. Если бы я захотела вас увидеть, я бы позвонила вам, как это сделала сегодня утром. Но мне страшно... И не столько за себя, сколько за него... Я не знаю, что он может сделать, но чувствую, что собирается, что он на пределе, что в него бес какой-то вселился и толкает его на трагический поступок...

- Что привело вас к этой мысли?

- Да ведь вы его видели.

- Он показался мне очень спокойным, уравновешенным, и я обнаружил в нем склонность к

юмору...

- К юмору весьма мрачному, чтобы не сказать висельному... Этот человек занимается "самоедством". Дела отнимают у него не более двух-трех дней в неделю, и большую часть разысканий берет на себя Рене Тортю. Мой муж читает журналы, посылает во все концы света письма людям, которых никогда в жизни не видел, знает их только как авторов статей. Случается, что он по многу дней даже не выходит из дому, а довольствуется тем, что смотрит на мир из своего окна... Те же каштаны, та же стена, окружающая Елисейский дворец, я бы даже сказала, те же прохожие. Вы приходили дважды и даже не захотели со мной поговорить. А ведь я, к несчастью, в этом деле лицо/ заинтересованное больше всех. Не забывайте, что я его жена, хоть сам он зачастую эту забывает... У нас двое детей, за которыми еще нужно присматривать.

Она дала ему время отдышаться, пока зажигала сигарету. Это была уже четвертая. Курила она жадно, не замедляя речи, и будуар наполняли клубы дыма.

- Сомневаюсь, можете ли вы лучше меня предвидеть, что он способен совершить... Уж не задумал ли он покончить с собой?.. Это возможно... Но было бы ужасно, если бы после того как я так много лет пыталась сделать его счастливым... Моя ли вина, если это не удалось? Но, быть может, смерть грозит мне... А это вероятнее всего, ведь он мало-помалу стал меня ненавидеть... Вам это понятно? Его брат, невропатолог, смог бы нам это объяснить... Муж испытывает потребность обрушить на чью-нибудь голову все свои разочарования, всю злобу, все унижения...

- Простите меня, если...

- Позвольте, дайте мне докончить... Завтра, послезавтра, неважно когда, вас вызовут сюда... И вы увидите жертву... Это буду я... Заранее прощаю ему, так как знаю, что он не отвечает за свои поступки, и медицина, несмотря на все достижения...

- Вы смотрите на своего мужа как на больного?

- Да.

- Психоз?

- Быть может!

- Вы говорили об этом с врачами?

- Да.

- С врачами, которые его знают?

- Среди наших друзей есть много врачей...

- Что они вам сказали конкретно?

- Велели остерегаться...

- Остерегаться? Чего...

- Мы не касались деталей...

- Все они были одного мнения?

- Многие.

- Вы можете назвать их имена?

Мегрэ с нарочитой выразительностью вытащил из кармана свою черную записную книжку. Этого жеста было достаточно, чтобы она пошла на попятную.

- Не очень-то, корректно сообщать вам их имена, но если вы хотите, чтобы его подвергли экспертизе...

Тут уже Мегрэ утратил свой спокойный и добродушный вид... Лицо его стало твердым, на нем появилось выражение напряженности. Дело стало заходить слишком далеко.

- Когда вы звонили ко мне в полицию, чтобы попросить меня к вам зайти, была уже у вас в голове эта мысль?

- Какая мысль?

- Прямо или косвенно попросить меня, чтобы вашего мужа осмотрел психиатр?

- Разве я так сказала? Ведь я даже не произнесла этого слова...

- Но вы на это довольно прозрачно намекнули.

- В таком случае вы меня плохо поняли... Либо я не так выразилась... Быть может, я слишком откровенна, слишком непосредственна... Я не даю себе труда выбирать слова... Я вам только говорила и говорю, что над нашей семьей нависло ощущение страха...

- А я у вас снова спрашиваю: чего же вы боитесь? Она опять села, словно изнемогая, и с унынием поглядела на Мегрэ:

- Не знаю, что вам еще сказать, мосье комиссар. Я полагала, что вы все поймете с первого слова... Я боюсь за себя, за него...

- Иначе говоря, боитесь, что он может вас убить или покончить с собой?

- Я понимаю, в это до смешного трудно поверить, когда все вокруг кажется таким спокойным,...

- Простите за нескромность. У вас с мужем продолжаются супружеские отношения?

- Прекратились год назад.

- Что было тому причиной?

- Я застала его с этой девкой...

- Мадемуазель Ваг?

- Да.

- В кабинете?

- Это было мерзко...

- И с тех пор вы запираете вашу дверь?.. Много раз он пытался к вам проникнуть?

- Один-единственный... Я ему выложила все, что у меня на сердце, и он ушел.

- Он не настаивал?

- Даже не извинился. Просто ушел, как человек, который ошибся комнатой...

- У вас были любовники?

- Что?!

Глаза ее стали колючими, взгляд суровым.

- Я вас спрашиваю, - невозмутимо повторил Мегрэ, - имели ли вы любовников? Бывает ведь и такое, не правда ли?

- Только не в нашей семье. Знаете, мосье комиссар, если бы мой отец был здесь...

- Как судья, ваш отец понял бы, что мой долг задать вам этот вопрос. Вы только что мне говорили о нависшем над вами страхе, об угрозе, тяготеющей над вами и над вашим мужем. Вы в завуалированной форме подаете мне мысль показать вашего мужа психиатру... Следовательно, я должен...

- Простите... Я просто увлеклась... Любовников у меня не было и никогда не будет...

- Есть у вас оружие?

Она поднялась, выскользнула в соседнюю комнату, тут же вернулась и протянула Мегрэ маленький перламутровый револьвер.

- Осторожно... Он заряжен...

- Давно он у вас?

- Одна из моих подруг, склонная к мрачному юмору, подарила мне его после свадьбы...

- Вы не боялись, чтобы лети, играя...

- Они редко приходят ко мне в комнату, а когда были маленькие, оружие лежало в ящике под замком.

- А ваши ружья?

- Они в сарае, там, где чемоданы, саквояжи и сумки для гольфа.

- Ваш муж играет в гольф?

- Я пыталась его приохотить, но он после третьей лунки уже начинает задыхаться...

- Часто он болеет?

- По-настоящему не болел ни разу. Если мне не изменяет память, самым серьезным был плеврит. Зато его постоянно одолевают какие-то хвори, ларингиты, гриппы, насморки.

- У него есть врач?

- Разумеется.

- Это один из ваших друзей?

- Нет. Это доктор Мартен, он тут живет, поблизости от нас, на Цирковой улице.

- Доктор Мартен никогда не говорил с вами наедине?

- Нет. Но мне случалось ожидать его и узнавать, нет ли у мужа чего-нибудь серьезного.

- И что он отвечал?

- Что ничего серьезного нет... Что такие, как муж, живут до глубокой старости... Он приводил мне в пример Вольтера, который...

- О Вольтере я знаю... Доктор Мартен никогда не предлагал, чтобы вашего мужа посмотрел психиатр?

- Нет... только...

- Что только?

- К чему я стану вам говорить? Ведь вы опять неправильно истолкуете мои слова.

- А все-таки!

- Вижу, что мой муж произвел на вас прекрасное впечатление, я заранее была в этом уверена. Я не хочу сказать, что он актерствует. Но с чужими он всегда бывает весел, выдержан... С доктором Мартеном он говорит и держится, как с вами...

- А с персоналом?

- Не он же следит за работой прислуги...

- Что это означает?

- Что не на нем лежит обязанность им выговаривать... Эту неблагодарную роль он предоставил мне...

Мегрэ задыхался в своем слишком мягком кресле, в этом будуаре, ему было неважно от назойливого голубого цвета. Он встал и чуть было не потянулся, как сделал бы это у себя в кабинете.

- Вы хотите мне еще что-нибудь сказать? Она тоже встала и разглядывала его с ног до головы, как равная с равным.

- Нет, это будет бесполезно.

- Не желаете ли вы, чтобы я прислал вам инспектора для постоянного надзора над домом?

- Странная мысль...

- Если верить в ваши предчувствия...

- Дело тут не в предчувствиях...

- Но тем более не в фактах...

- Пока что их нет...

- Итак, подведем итог... В течение некоторого времени ваш муж проявляет признаки умственного расстройства...

- Вот-вот...

- Он замкнулся в себе, и его поведение вас тревожит...

- Это уже ближе к истине.

- Вы боитесь за его жизнь или за свою...

- Не отрицаю.

- К чему вы больше склоняетесь?

- Если бы я знала, я была бы в какой-то мере спокойнее.

- Кто-то из живущих в доме либо имеющих сюда доступ прислал нам на набережную Орфевр два письма, предвещающих будущую драму... А кроме того, кто-то в мое отсутствие звонил по телефону...

- Почему вы мне об этом не сказали?

- Потому, что слушаю вас... Это сообщение было очень кратким и только подтвердило предыдущие... Незнакомец (или незнакомка) произнес всего несколько слов. "Передайте комиссару Мегрэ, что это вот-вот..."

Он видел, как она изменилась в лице. Нет, это была не игра. Она внезапно побледнела, на лице проступили красные пятна. Уголки губ опустились.

- Боже!..

Она нагнула голову, и ее хрупкое тело, казалось, вдруг утратило всю свою удивительную энергию.

Тут Мегрэ забыл про свое раздражение и почувствовал к ней жалость.

- Вы по-прежнему не хотите, чтобы я вам кого-нибудь прислал для охраны?

- Зачем?

- Что вы этим хотите сказать?

- Если что-то должно случиться, то присутствие полицейского помешать не сможет. Одному богу известно, кто может это предотвратить.

- Знаете ли вы, что у вашего мужа есть автоматическое оружие:

- Знаю.

- А он про этот револьвер?

- Тоже знает, конечно.

- А ваши дети?

Готовая заплакать от волнения, она вскричала:

- Мои дети так далеки от этого, неужели вы не понимаете? Их интересуют их собственные дела, а не наши. У них своя жизнь. Что же касается нашей жизни, или, вернее, того, что от нее осталось, то им на это наплевать.

Она снова говорила с пылом, как будто некоторые темы ее автоматически возбуждали.

- Ступайте!.. Простите, что не провожаю... И на что только я могла надеяться!.. Будь что будет! Теперь отправляйтесь к моему мужу или к этой девке... Прощайте, мосье Мегрэ... Она открыла дверь и ждала, пока он выйдет, чтобы снова ее закрыть. В коридоре Мегрэ почувствовал, будто попал в иной мир, но его еще неотступно преследовал голубой цвет.

Он посмотрел в окно и увидел во дворе другого шофера, который надраивал другую машину. По-прежнему было солнечно. Дул легкий ветерок.

Его подмывало пройти в знакомую прихожую, взять шляпу и незаметно удрать. Но вместо этого, как бы вопреки своей воле, он направился в комнату мадемуазель Ваг.

Накинув на платье белый халат, девушка снимала с документов фотокопии. Из-за спущенных штор в комнату проникали полосы света.

- Вы хотели поговорить с мосье Парандоном?

- Нет.

- Тем лучше. У него совещание с двумя важными клиентами: один приехал из Амстердама, другой из Афин. Оба Они судовладельцы и...

Он не слушал. Мудемуазель Ваг подняла шторы, и в узкую комнату хлынул солнечный поток.

- У вас усталый вид...

- Я провел целый час с мадам Парандон.

- Знаю.

Он посмотрел на телефонный коммутатор.

- Это вас она просила соединить ее с сыскной полицией?

- Нет. Я даже не знала, что она звонила. Только когда Лиза пришла попросить у меня марку, она...

- Что вы можете сказать о Лизе?

- Это горничная.

- Знаю. Но что она за человек?

- Простая девушка, как и я... Обе мы приехали из провинции, я из маленького городка, она из деревни... У меня было кое-какое образование, и я стала секретаршей. А у нее не было, и она стала горничной...

- Сколько ей лет?

- Двадцать три... Мне известен возраст каждого, ведь в мои функции входит заполнять карточки для социального страхования...

- Предана она хозяевам?

- Старательно выполняет все, что ей поручают и, как мне кажется, не собирается менять места.

- Есть у нее любовники?

- В выходной день, в субботу...

- Достаточно ли она грамотна, чтобы написать письма, которые я давал вам читать?

- Конечно, нет.

- Известно ли вам, что около года назад мадам Парандон застала вас со своим мужем?

- Ведь я, вам рассказывала об этом случае, но это могло быть и в другой раз. Она могла бесшумно открыть и закрыть дверь...

- Говорил ли вам Парандон, что с тех пор его жена отказалась выполнять супружеские обязанности?

- Но ведь и без того это у них бывало очень редко.

- Почему?

- Потому, что он ее не любит.

- Не любит или больше не любит?

- Это зависит от смысла, какой вы вкладываете в слово "любить". Конечно, он признателен ей за то, что она вышла за него замуж, и в течение долгих лет он заставлял себя выказывать ей эту признательность.

Мегрэ улыбнулся, подумав, что за стеной два крупных владельца нефтеналивных судов, прибывшие из двух противоположных концов Европы, доверяли свое благосостояние маленькому человеку, о котором они с мадемуазель Ваг говорили в подобном тоне.

Для этих крупных дельцов он был не смешным, полунемощным, замкнувшимся в себе гномом, которого одолевали нездоровые мысли, но одним из светочей Морского права. Разве в эту минуту в кабинете адвоката не ворочали сотнями миллионов, а мадам Парандон, злобная или подавленная, но во всяком случае обманутая в своих надеждах, не одевалась в своей комнате, чтобы отправиться в четыре часа на деловое свидание?

- Вы не хотите присесть?

- Нет. Мне хотелось зайти еще в комнату рядом.

- Вы застанете там только Жюльена Бода. Рене Тортю уехал во Дворец правосудия.

Он сделал неопределенный жест:

- Сойдет и Жюльен Боа!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мегрэ показалось, что он попал в совсем другую квартиру. Если повсюду в доме ощущалось какое-то упорядоченное, торжественное оцепенение,, установленное в былые времена судьей Гассеном де Болье, то рабочий кабинет, который занимал Рене Тортю вместе с Жюльеном Бодом, сразу поражал своей безалаберностью и беспорядком.

У окна - обычный конторский стол, заваленный папками, а вдоль стен простые сосновые стеллажи, на которые по мере надобности громоздили один на другой зеленые кляссыры. Те, что не поместились на полках, лежали прямо на навоощенном паркете.

Рабочее место Жюльена Бода - старый кухонный стол, покрытый серой оберточной бумагой. На стену наклеены вырезанные из журналов голые красотки. Когда вошел Мегрэ, Боа взвешивал конверты и наклеивал марки. Он поднял голову и взглянул на комиссара без малейшего удивления или тревоги - недоумевая, зачем тот сюда явился.

- Вы к Тортю?

- Нет, я знаю, он в суде.

- Скоро вернется.

- Мне он не нужен.

- А кто же?

- Никто...

Парень хорошо сложен, рыжий, веснушчатый. Совершенно невозмутимые глаза, синие, как фаянсовая посуда.

- Садитесь, пожалуйста.

- Не стоит.

- Ну, как угодно.

Он продолжал взвешивать конверты разных форматов из желтой бумаги, время от времени заглядывая в тоненький справочник заграничных почтовых тарифов.

- Вам нравится такая работа? - спросил Мегрэ.

- Видите ли, уж если я попал в Париж...

Он говорил с приятным певучим акцентом, растягивая некоторые слоги.

- Откуда вы родом?

- Из Моржа. На Женевском озере, знаете?

- Бывал там.

- Красивое место, правда?

"Красивое" превратилось в "крааа-си-вое", а "правда" прозвучало нараспев.

- Красивое... Скажите, что вы думаете об этом доме? Бол не понял, что подразумевал комиссар, сказав "дом".

- Большой.

- В каких вы отношениях с мосье Парандоном?

- Я его почти не вижу... Сажу тут, наклеиваю марки, пакеты перевязываю или на почту бегаю да по всяким поручениям... Ведь я невелика птица. Ну, изредка заглянет сюда патрон, похлопает по плечу и спросит: "Как дела, молодой человек?" Вот и все... Между прочим, слуги прозвали меня "швейцарский клопик", хотя росту во мне метр восемьдесят по антропометру.

- А с Ваг вы ладите?

- Славная девушка.

- Что вы о ней думаете?

- А она там за стенкой, на половине патрона.

- Что вы хотите этим сказать?

- Именно то, что сказал... У них своя работка, у нас - своя... Если и понадобится ему кто-нибудь, так уж, конечно, не я, а она.

Совершенно простодушное лицо. Однако комиссар не был уверен, что простодушные это искреннее.

- Вы, кажется, собираетесь стать драматургом?

- Пробую писать пьесы... Даже написал две, да скверные... Тому, кто приехал из Во, нужно сначала обжиться в Париже.

- Тортю вам помогает?

- В чем?

- Познакомиться с городом... Ну, скажем, ходите ли вы куда-нибудь вместе?

- Он никуда не ходит со мной... Ему не до меня.

- Что так?

- У него невеста, приятели... Я как только Сошел с поезда, так сразу понял: здесь всяк сам по себе.

- Вы часто видите мадам Парандон?

- Частенько, особенно по утрам. Как забудет договориться с поставщиком - сразу же ко мне: "Голубчик Бод, закажите, пожалуйста, окорок и попросите, пусть доставят сейчас же. А если у них там некому забегите к мяснику сами, хорошо?"

Вот и мотаюсь по магазинам - то в мясной, то в рыбный, то в бакалейный... Даже к сапожнику, если у нее на туфле царапина... и все "Голубчик Бод"... Да что быть на побегушках, что клеить марки...

- Какого вы о ней мнения?

- Может быть, выведу ее в пьесе.

- Что она - незаурядная личность?

- Здесь нет заурядных. Все они чокнутые.

- И патрон тоже?

- Он человек умный, это несомненно, иначе он не мог бы заниматься своим делом. А все-таки - чужак. Загребая такую уйму денег, уж мог бы он найти занятие поинтереснее, чем торчать день-деньской за письменным столом или расслаиваться в кресле. Не здоровяк, правда, но это ведь не мешает ему...

- Вы знаете о его отношениях с мадемуазель Ваг?

- Все знают. Да ведь он мог бы завести себе дюжину таких, а то и сотню. Ну сами понимаете.

- А как у него с женой?

- Как? Ну, живут в одном доме, встречаются в коридоре, будто прохожие на панели... Мне пришлось как-то зайти в столовую, когда они завтракали - принесли срочную телеграмму, а я был здесь один. И что же, все сидели молча, как незнакомые люди в ресторане.

- Видно, они вам не по душе?

- Да что вы! Мне, можно сказать, даже повезло - прямо готовые персонажи!

- Комические?

- И комические, и трагические зараз. Все как в жизни.

- Вы слышали про письма?

- Конечно.

- Как по-вашему, кто мог их написать?

- Да кто угодно. Мог бы и я.

- Значит - вы?

- Да мне и в голову не приходило.

- Барышня хорошо к вам относится?

- Бэмби? - Он пожал плечами. - Боюсь, что встретиться мы с ней на улице, она даже не узнает

меня. Когда ей понадобится бумага, ножницы или что другое - приходит сюда, молча берет что надо и уходит.

- Гордячка?

- Может, и нет. Может, нрав такой.

- А как вы полагаете, может здесь произойти какая-нибудь драма?

Он снова посмотрел на Мегрэ невозмутимыми синими глазами.

- Драма может произойти где угодно. Вот, в прошлом году выдался как-то солнечный денек, как сегодня...

Улицу переходила славная такая старушенция и - угодила под автобус, прямо против нашего дома... А ведь за несколько секунд до этого у нее и в мыслях не было...

Послышались стремительные шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина лет тридцати, среднего роста, брюнет.

- Входите, мосье Тортю.

Он был с портфелем, и вид у него был важный.

- Если не ошибаюсь, комиссар Мегрэ?

- Не ошибаетесь.

- Ко мне? Давно меня ждете?

- Да, по правде сказать, я никого не ждал.

Довольно красивый малый. Правильные черты лица, темноволосый, смелые глаза. Такой знает, чего ему добиваться в жизни.

- Присаживайтесь, - предложил он, подходя к столу и кладя на него портфель.

- Спасибо, я уже сидел сегодня. Мы тут болтали с вашим молодым коллегой.

Слово "коллега" уязвило Рене Тортю - метнул на швейцарца сердитый взгляд.

- У меня было важное дело в суде.

- Знаю. Вам часто приходится выступать?

- Всякий раз, когда не удастся добиться соглашения сторон. Мосье Парандон редко выступает сам. Мы подготавливаем дела заранее, а затем мне поручают...

- Понятно.

Вот, кто не сомневался в себе!

- Что вы думаете о мосье Парандоне?

- Как о человеке или о юристе?

- О том и другом.

- Как юрист - он на голову выше других. Там, где надо нащупать слабое место противной стороны - ему нет равных.

- А как человек?

- Поскольку я служу у него и являюсь, по существу, его единственным сотрудником, - мне неудобно судить о нем в этом аспекте.

- Вы не считаете его человеком с надломом?

- Я бы не употребил такого выражения... Скажем так - на его месте я вел бы более деятельную жизнь.

- К примеру говоря, присутствовали бы на приемах, которые устраивает жена, бывали бы с нею в театрах и ресторанах?

- Может, и так... Ведь жизнь не только в книгах и делах...

- Вы читали письма?

- Мэтр Парандон показал мне фотокопии.

- По-вашему, это - шутка?

- Допускаю... По правде говоря, я как-то не задумывался...

- Но ведь в них говорится, что тут разыграется драма? Тортю не ответил. Он доставал из портфеля бумаги и раскладывал их по кляссерам.

- Вы женились бы на девушке вроде мадам Парандон, только помоложе?

Тортю удивленно посмотрел на комиссара.

- Разве вам не сказали, что я помолвлен? Значит, и толковать нечего...

- А я таким манером хотел узнать ваше мнение об этой даме.

- Она умна, энергична и умеет поддерживать отношения с...

Тортю вдруг обернулся, и все увидели в дверях ту, о которой шла речь.

Она была в черном шелковом платье и леопардовом мантии и либо собиралась уехать, либо только что вернулась.

- Вы все еще здесь? - удивилась она, уставившись на комиссара холодным взглядом.

- Как видите.

Кто знает, сколько времени она простояла за дверью и что успела услышать...

Только сейчас Мегрэ понял, что хотела сказать Ваг, говоря о "доме, где постоянно ощущаешь за собой слежку".

- Голубчик Бод, позвоните, пожалуйста, сейчас же графине де Пранж и предупредите, что меня задержали и я опоздаю по крайней мере на четверть часа. Я хотела попросить об этом мадемуазель Ваг, но она сейчас занята у мужа клиента.

Она исчезла, бросив Мегрэ на прощанье жесткий взгляд. Жюльен Бод снял трубку. Тортю мог радоваться - если мадам Парандон слышала его последние слова, она будет ему признательна.

- Алло! Квартира графини де Пранж?

Мегрэ вышел из кабинета. Жюльен Бод заинтересовал его. Комиссар не сомневался, что драматург из него выйдет. А Тортю почему-то ему не понравился.

Дверь у мадемуазель Ваг была открыта, но в комнате никого не было. Проходя мимо кабинета Парандона, Мегрэ услышал звуки голосов.

Когда он вошел в переднюю за шляпой, там вдруг, как бы случайно, появился Фердинанд.

- Вы целый день тут около дверей?

- Нет, господин комиссар... Просто я решил, что вы пришли ненадолго... А мадам только что уехала...

- Знаю... Скажите-ка, Фердинанд, вы сидели в тюрьме?

- Только на гауптвахте, когда служил в Африке.

- Вы француз?

- Я из Обани.

- Как же это вы завербовались в Иностранный легион?

- По молодости... Глупостей наделал и вот...

- В Обани?

- Нет, в Тулоне... Связался со всякими подонками. Так-то. А когда смекнул, что дело дрянь, выдал себя за бельгийца и завербовался в легион.

- А с тех пор у вас все в порядке?

- Уже восемь лет служу у мосье Парандона, и он на меня не жалуется.

- Вы довольны местом?

- Бывает и похуже.

- Мосье Парандон хорошо обращается с вами?

- Душа-человек!

- А мадам?

- Между нами говоря - стерва!

- Достается вам от нее?

- От нее всем достается... Повсюду она шныряет, во все сует нос, всеми недовольна...

Счастье, что у меня комната не в доме, а над гаражом...

- Чтобы девочек туда приводить?

- Что вы! Сделай я такое на свою беду, так мадам пронюхала бы, и я в два счета вылетел бы отсюда. По ее, прислуга должна быть холощенная... Нет, просто у себя в комнате я могу дышать свободно... И можно, когда надо, уходить, хотя оттуда в квартиру проведен звонок, и я обязан, как мадам выражается, являться по ее вызову круглосуточно.

- Она когда-нибудь вызывала вас ночью?

- Да, раза три-четыре... Видно, хотела убедиться, что я на месте.

- Под каким предлогом?

- Один раз, будто услышала какой-то подозрительный шум и вздумалось ей про воров. Вместе со мной всю квартиру обошла.

- Наверно, кошка?

- Нет тут ни кошек, ни собак... Она их терпеть не может. Когда Гюс был маленький, он просил, чтобы ему к рождеству подарили щенка, а получил электричку. Сроду не видал, чтобы мальчонка так бесился со злости.

- А в другие разы?

- В другой раз ей почудилось, что паленым пахнет... А еще... Постойте... Что же это было? Ага, она остановилась у дверей мужниной спальни и не услышала его дыхания. И послала меня поглядеть - не случилось ли с ним чего-нибудь.

- Что же она сама, что ли, не могла войти?

- Почему я знаю. Да, наверное, была причина... Не подумайте, что я жалуюсь... Она ведь часто уезжает из дому и после обеда и по вечерам, и мне покою хватает.

- С Лизой ладите?

- Да, неплохо... Смазливенькая... Одно время мы... Ну, вы догадываетесь... Только Лиза любит новеньких... Почти каждую субботу у нее другой... А я не охотник делиться...

- Ну, а мадам Вокен?

- Старая гримза.

- Она вас недолюбливает?

- Она так урезает нам всем порции, будто мы здесь просто столуемся, а уж насчет вина - так и вовсе в обрез! Верно, потому, что муж у нее пьянчуга и лупцует ее не меньше, чем два раза в неделю. Вот она и взъелась на всех мужиков.

- А мадам Маршан?

- А я вижу только, как она возится с пылесосом. По-моему, эта баба отроду немая - только губами шевелит, как останется одна в комнате... Может, молится?

- А барышня?

- Ну, эта не гордячка и не кривляка. Жаль, что она всегда невеселая,

- Несчастливая любовь?

- Не знаю. Может, просто такая уж обстановка.

- Вы слышали что-нибудь о письмах? Фердинанд, казалось, смутился.

- Да уж ежели говорить правду - слышал. Но не читал.

- Кто вам говорил?

Он смутился еще больше и притворился, будто вспоминает.

- Вот, забыл!.. Ведь все время ходишь туда-сюда, на ходу перекинешься словом с одним, с другим...

- Мадемуазель Ваг?

- Нет, она никогда не говорит со мной про хозяйские дела.

- А Тортю?

- Ну да! Этот глядит на меня так, словно и он тут хозяин.

- Жюльен Боа?

- Может быть... Ей-богу, не знаю... Может, даже кто в буфетной.

- А вы не знаете, есть оружие у господина Парандона?

- Лежит у них в ночном столике кольт тридцать восьмого калибра. Но патронов к нему я никогда не видел.

- Вы убираете его комнату?

- Я. Это входит в мои обязанности. Ну, конечно, и за столом прислуживаю.

- Больше вы нигде не видели оружия?

- У барыни есть игрушка - калибр шесть и тридцать три, эрстальская. Из нее надо стрелять в упор, да и то только поцарапаешь.

- Вам не кажется, что за последнее время атмосфера в доме изменилась?

Фердинанд задумался.

- Пожалуй, да... Они за столом вообще мало разговаривали, а теперь, можно сказать, и вовсе молчат. Разве что Гюс с Бэмби изредка словом перекинутся.

- Вы верите этим письмам!

- Примерно сколько астрологам. Если верить газетным гороскопам - так мне выходит каждую неделю получать кучу денег.

- Значит, вы не допускаете мысли, что здесь может что-нибудь случиться?

- Только уж не из-за писем.

- А в связи с чем?

- Сам не знаю.

- Вы не находите, что мосье Парандон чудаковат?

- Так ведь смотря что называть чудачеством. Всяк по-своему на жизнь глядит... Со своей колокольни. Ну, а если ему так нравится? Уж, конечно, он не помешанный... Я бы даже сказал - наоборот...

- Значит, по-вашему, она помешанная?

- Как бы не так! Держи карман! Это - чертовски хитрая баба.

- Благодарю вас, Фердинанд.

- Рад стараться, господин комиссар... Я уже давно усвоил, что с полицией лучше играть в открытую.

Дверь за Мегрэ закрылась, и он сошел по лестнице с перилами из кованого железа. На прощанье он махнул рукой швейцару в великолепной, сверкающей галунами форме - как в самых шикарных отелях, и с удовольствием глубоко вдохнул на улице свежий воздух.

Вдруг он вспомнил про уютный бар на углу Цирковой улицы и авеню Мариньи и вскоре очутился у стойки. Он соображал - чего бы выпить и в конце концов заказал полкружки пива. Он насквозь пропитался атмосферой квартиры Парандонов. Но ведь то же самое было бы, проведи он столько времени в любой другой семье... Нет, пожалуй, он ощущал бы это не так остро... Хотя повсюду он мог столкнуться с той же озлобленностью и теми же дрызгами, с теми же страхами и уж, конечно, с таким же разладом.

"Не философствовать, Мегрэ!"

Ведь он принципиально запрещал себе делать обобщения. Ладно! Он еще не видел хозяйских детей, кухарку и уборщицу и лишь издали заметил горничную в черном форменном платье с кружевным фартучком и вышитой наколкой.

- Сколько с меня?

Дойдя до угла Цирковой улицы, он увидел табличку с фамилией доктора Мартена - домашнего врача мосье Парандона. Он поднялся на четвертый этаж и позвонил.

Его провели в приемную, где уже сидели трое больных.

Раздосадованный Мегрэ тотчас же повернул обратно.

- Вы не хотите подождать доктора?

- Я, видите ли, не болен. Я позвоню ему.

- Как ваша фамилия?

- Комиссар Мегрэ.

- Может быть, доложить о вас?

- Не стоит заставлять ждать больных.

У Парандона есть брат - тоже врач, но Мегрэ хорошо знал, по своему другу, доктору Пардону, что не всегда-то и не сразу удастся с ними переговорить. Ему не хотелось ехать в автобусе или в метро. Внезапно он почувствовал такую усталость, что прямо рухнул на сиденье такси.

- Набережная Орфевр.

- Слушаюсь, мосье Мегрэ.

Это уже не доставляло ему удовольствия. А ведь было время, когда он гордился своей известностью, но за последние годы комиссара даже раздражало, что все знают его в лицо.

Хорош он будет, если на авеню Мариньи ничего не случится! Он даже не решился упомянуть о письмах на утреннем рапорте. За эти два дня он почти не заглядывал к себе на службу, а околачивался в квартире, обитатели которой ведут жизнь, совершенно чуждую для него.

В кабинете его ждали текущие дела, к счастью, не очень серьезные, но которыми все же надо было заняться...

Что же изменило его взгляд на этих людей. Неужели же письма да еще тот телефонный звонок посреди дня? Он не считал мадам Парандон заурядной женщиной, с какими сталкиваешься на каждом шагу. Снова и снова ему представлялась ее театральная фигура в голубом капоте на фоне голубого будуара... И он вспомнил все ее попытки разыграть перед ним трагедию...

Да и сам Парандон уже не казался комиссару обычным существом. Гном глядел на него ясными глазами, от очков они стали еще больше, и Мегрэ тщетно старался прочесть его мысли. А остальные? Ваг... Рыжий дылда Бол? И Тортю, вовремя бросивший взгляд на дверь, где - словно из-под земли возникла мадам Парандон.

Пожав плечами, он стал шарить по карманам в поисках мелочи - машина остановилась у подъезда сыскной полиции.

* * *

В кабинете комиссара Мегрэ побывал добрый десяток инспекторов, и у всех было к нему дело. Он просмотрел почту, подписал кучу бумаг, но все время, пока он работал в тишине позолоченного солнцем кабинета, у него не выходил из головы дом на авеню Мариньи.

Его снова охватила непреодолимая тревога, которую никак было не разогнать. Хотя до сих пор он делал все, что было в его силах. Еще не совершилось ни преступления, ни даже простого нарушения закона. Никто не сообщил полиции о каком-либо несомненном факте. Не было подано никакой жалобы.

И все же он посвятил уйму времени изучению того маленького мирка, который вращался вокруг Эмиля Парандона.

Тщетно пытался комиссар вспомнить какой-нибудь прецедент. Было ли уже в его практике что-либо подобное, ведь ему приходилось сталкиваться с самыми невероятными случаями... В

четверть шестого ему принесли письмо, только что доставленное по пневматической почте, и он тотчас же узнал печатные буквы.

Штемпель почтового отделения на улице Миромениль; время отправления шестнадцать часов тридцать минут. То есть за четверть часа до ухода от Парандонов.

Он вскрыл конверт по линии отреза. Листок - меньшего формата, чем в предыдущих посланиях, поэтому и буквы мельче. Сравнив почерк всех трех писем, Мегрэ понял, что последнее было написано наспех, не так старательно, может быть, в волнении.

"Господин дивизионный комиссар!

Когда я написал мое первое письмо, в котором была просьба ответить на него через газету, у меня и мысли не было, что вы, очертя голову, накинетесь на это дело, по поводу которого у меня было намерение дать вам впоследствии все необходимые уточнения.

Ваша поспешность все испортила, и теперь вы сами убедились, что сели в лужу. Сегодня вы до некоторой степени спровоцировали убийцу, и я не сомневаюсь, что из-за вас он поспешит нанести удар.

Может быть, я ошибаюсь, но думаю, что это произойдет в ближайшие часы. Очень сожалею, но больше ничем не могу вам помочь. Я на вас не в обиде".

Мегрэ, нахмурившись, несколько раз перечел письмо, потом позвал Жанвье и Лапуэнта - Люка не было на месте.

- Прочтите-ка, ребята.

Он внимательно следил за ними, словно боясь, что они воспримут письмо иначе, нежели он. Они ведь не были отравлены

пребыванием в квартире Парандонов. Они могли судить только по самому письму. Наклонившись над листком, они читали его с нарастающим интересом и волнением.

- Вроде бы дело проясняется, - пробормотал Жанвье, кладя листок на стол.

А Лапуэнт спросил:

- Что это вообще за люди? На кого похожи?

- На всех и ни на кого. Просто ума не приложу, что нам делать... Не могу же я постоянно держать там в квартире кого-нибудь из наших, да, впрочем, это и не помогло бы. Квартира такая огромная, что случись что-нибудь в одном конце'- в другом даже не услышат... Установить наблюдение за домом? Пожалуй, так я и сделаю - на эту ночь, для очистки совести. Но если эти послания не трепотня, удар будет нанесен не извне... Ты чем занят, Лапуэнт?

- Да ничем особенным.

- Тогда отправляйся туда. Обратись к швейцару, это некий Ламюр, когда-то он служил на улице Соссэ. Провели ночь у него в швейцарской и время от времени поднимайся на второй этаж... Возьми у Ламюра список жильцов всего дома, включая обслуживающий персонал. Отмечай, кто когда пришел и ушел.

- Все ясно.

- Что тебе ясно?

- Что в случае чего, у нас будет хоть какая-то зацепка.

Да, конечно... И все же комиссару как-то претило рассматривать ситуацию под этим углом зрения... "В случае чего". Ладно, коль скоро кража исключается - жди убийства... А кого убьют? Кто убьет?

С ним говорили разные люди, они отвечали на его вопросы, казалось исповедывались перед ним... Но как же он может, черт возьми, выяснить, кто из них врал и кто говорил правду? А не заварил ли всю эту кашу какой-нибудь псих?

Мегрэ в раздражении расхаживал по кабинету и говорил словно сам с собою, а Жанвье и Лапуэнт только переглядывались.

- Ужасно все просто, господин комиссар, - вам написали, что намечается убийство... Только не сообщили, кто кого убьет, когда и как... А почему, собственно говоря, обратились к вам? Чтобы предупредить? Нет, просто так... Потешиться.

Он схватил трубку и стал лихорадочно набивать ее, прижимая табак большим пальцем.

- Да за кого меня принимают, в конце-то концов!? Если случится что-нибудь - я окажусь виноватым... Вот в этой голубой бумажонке прямо так и сказано... Я, видите ли, слишком рьяно принялся за дело! А как следовало поступить?.. Дождаться официального извещения о смерти, что ли? Здорово живешь! А если ничего не произойдет - я же остаюсь в дураках. Целые два дня пускал на ветер деньги налогоплательщиков, предназначенные на содержание полиции...

Жанвье оставался невозмутимым, но Лапуэнт не удержался от улыбки, и Мегрэ заметил это. Одно мгновение он еще кипел гневом, но затем рассмеялся и похлопал сослуживца по плечу.

- Простите, ребята. Вывело меня из себя это самое дело. Там, у Парандонов, все на цыпочках ходят, вот я и попробовал пройтись по проволоке...

Представив себе комиссара на проволоке, Жанвье тоже захохотал.

- С вами я хоть душу отвожу... Ну, ладно... Все в порядке. Давайте о деле. Ты, Лапуэнт, можешь отпраляться. Перекуси где-нибудь и заступай на свой пост. Если заметишь что-нибудь подозрительное - не стесняйся, звони мне в любое время домой, на бульвар Ришар Ленуар. Спокойной ночи, дружок! До завтра. Тебя сменят к восьми часам.

Мегрэ расположился у окна и, глядя на ленту Сены, продолжал, обращаясь к Жанвье:

- А ты ведешь сейчас дело?

- Сегодня утром задержал двух пацанов по шестнадцать лет. Вы оказались правы, когда...

- Можешь сменить Лапуэнта завтра? Я понимаю, дело дурацкое - это-то и бесит меня, а все же чувствую, что необходимо принять меры предосторожности... Хотя, по всей вероятности, зря... Вот увидишь - если случится что-нибудь, все напустятся на меня.

- Говоря это, он не сводил взгляда с фонаря на мосту Сен-Мишель:

- Дай-ка мне письмо...

Вдруг у него в памяти всплыло одно выражение, на которое он раньше не обратил внимания, и ему захотелось убедиться - не ошибся ли он.

"...Я не сомневаюсь, что из-за вас он будет вынужден нанести удар".

Да, конечно, там так и было написано "нанести удар". Разумеется, это могло означать "смертельный удар".

Однако во всех трех письмах аноним подбирал выражения очень тщательно.

- "Нанести удар", понимаешь, Жанвье? Хлопушки есть и у мужа и у жены. Я как раз собирался изъять у них револьверы, как отбирают у детей спички. Но ведь нельзя же взять у них все кухонные ножи или ножи для резания бумаг... А при желании можно нанести удар хоть кочергой каминов-то там хватает! И подсвечников... И всяких бронзовых фигур...

И внезапно, переменив тон, комиссар сказал:

- Попробуй соединить меня с Жерменом Парандоном. Это - брат моего Парандона, он невропатолог, живет на улице Агессо...

Пока Жанвье, присев на край стола, набирал номер, Мегрэ раскурил трубку.

- Алло! Квартира доктора Парандона? Говорят из сыскной полиции... по поручению комиссара Мегрэ... Он хотел бы поговорить с доктором... Как? В Ницце?.. Так. Минутку...

Мегрэ делал ему знаки:

- Спроси, где он там остановился.

- Вы слушаете? Не можете ли вы сказать, где доктор остановился? В "Негреско"? Благодарю вас... Да, я тоже сомневаюсь... Ну, попробуем...

- Что, вызвали к больному?

- Нет, там конгресс по детской невропатологии. Кажется, очень насыщенная программа, и как раз завтра доклад доктора Парандона.

- Позвони в "Негреско"... Сейчас уже шесть, значит, совещание кончилось. В восемь часов у них наверняка либо торжественный ужин в префектуре, либо какой-нибудь прием с коктейлями.

Пришлось ждать минут десять - коммутатор отеля все время был занят.

- Алло! Говорят из парижской сыскной полиции... Барышня? Будьте добры соединить меня с доктором Парандоном... Да. Па-ран-дон... участник совещания.

Жанвье прикрыл трубку ладонью:

- Она сейчас узнает - доктор у себя или на коктейле... в салоне верхнего этажа.

- Алло! Доктор? Простите, передаю трубку комиссару Мегрэ. Тот неуверенно взял трубку - в последнюю минуту он понял, что не знает, о чем говорить с доктором.

- Извините за беспокойство, доктор...

- Да-да, я как раз собирался просмотреть в последний раз свой доклад...

- Так я и думал... Видите ли, последние два дня я провел много времени с вашим братом...

- Как же это вы с ним встретились?

Живой, приятный голос, гораздо более молодой, чем предполагал Мегрэ.

- Это довольно сложная история, и потому-то я и позволил себе вызвать вас.

- С братом что-нибудь случилось?

- Ничего такого по нашей части.

- Он здоров?

- А что вы думаете о его здоровье?

- С виду брат кажется существом довольно слабым, даже хрупким, а на самом деле он полон сил. Я, например, не смог бы выдержать той огромной работы, которую он проворачивает иногда за несколько дней.

Нужно было все же перейти к сути дела.

- Постараюсь как можно короче сообщить вам о сложившейся ситуации. Вчера утром я получил анонимное письмо, извещающее о возможно готовящемся преступлении.

- Уж не у Эмиля ли? Голос звучал насмешливо.

- Нет. Но рассказывать, как мы добрались до квартиры вашего брата, заняло бы слишком много времени. Как бы то ни было, я еще раньше получил послания, написанные в его доме, на его бумаге, от которой отрезали верхнюю часть с фамилией и адресом.

- Ну, наверно, брат успокоил вас? Это проделки Гюса, не так ли?

- Насколько мне известно, ваш племянник не привык дурачиться.

- Это верно... и на Бэмби тем паче не похоже... Не знаю... Может быть, курьер Бол? Или горничная?

- В последнем письме, которое я получил, меня предупреждают, что преступление вот-вот совершится. Тон врача изменился:

- А вы сами, господин комиссар, верите этому?

- Да ведь я только вчера познакомился с этим домом...

- Что говорит Эмиль? Наверно, не придает значения.

- В том-то и дело, что он не так легко отнесся к письмам. У меня даже сложилось впечатление, что он поверил в грозящую опасность.

- Кому же она грозит?

- Может быть - ему...

- Да кому же придет в голову напасть на брата? И почему? Помимо своего конька - борьбы

за пересмотр статьи шестьдесят четвертой, он самое безобидное и славное существо на свете.

- Да, он просто очаровал меня... Но вот вы сказали о его коньке... Как невропатолог вы не считаете, что это переходит в манию?

- В медицинском смысле слова - конечно, нет.

Тон стал суше - доктор понял, что подразумевал комиссар.

- Короче говоря, вы спрашивали, считаю ли я брата психически нормальным?

- Ну, это слишком сильно сказано...

- Вы установили наблюдение за домом?

- Да, там дежурит один инспектор.

- А не обращались ли к брату за последнее время какие-нибудь подозрительные клиенты?.. Не было ли у него дел, связанных с особо крупными капиталами? Не ущемил ли он чьих-либо интересов?

- Он мне не говорил про свои дела, но мне известно, что даже сегодня у него были на приеме два судовладельца - из Греции и Голландии.

- К нему приезжают даже из Японии... Ну что ж, будем надеяться, что все это - ерунда... У вас есть еще вопросы ко мне?

Комиссару приходилось тут же выдумывать вопросы, а там, в Ницце, невропатолог, наверно, любовался Английской набережной и синевой бухты Ангелов.

- Что вы можете сказать, доктор, о психической уравновешенности вашей невестки?

- Конечно, я не повторю это на суде, если попаду в свидетели - будь все женщины, как она, я остался бы холостяком!

- Я спросил о психической уравновешенности.

- Я прекрасно понял вас. Допустим, что она - человек крайностей, и добавим справедливости ради, что она же первая и страдает от этого.

- Могут быть у такой женщины навязчивые идеи?

- Вполне. При условии, что эти идеи основываются на реальных фактах и не противоречат действительности. Уверяю вас, что если она солжет вам, то сделает это так, что вы и не заметите.

- Можно сказать, что она истерична? Довольно долгое молчание.

- Пожалуй, я не решился бы, хотя и видел ее в состоянии, которое можно назвать истерическим... Видите ли, хотя у нее патологическая нервозность, ей каким-то чудом удается владеть собой.

- Вам известно, что у нее есть дома револьвер?

- Да, она как-то говорила об этом и даже показала мне крошечный пистолетик... Скорее игрушка...

- Такой игрушкой можно убить... По-вашему, не опасно оставить ей оружие?

- Поймите, господин комиссар, что уж если эта женщина задумает убить кого-нибудь - все равно убьет, любым способом.

- У мосье Парандона тоже имеется револьвер.

- Знаю.

- И про брата вы скажете то же самое?

- О, нет! Уверяю вас, и как врач и как человек, что брат никогда никого не убьет. Единственное, на что он может решиться в приступе отчаяния - покончить с собою.

Голос врача дрогнул.

- Вы очень привязаны к брату?

- Нас ведь только двое на свете.

Эта фраза поразила Мегрэ. Ведь еще жив их отец, и Жермен Парандон женат. И все-таки он

сказал: "Нас только двое".

Словно у них нет никого из близких... Неужели доктор тоже несчастлив в браке?

Наверно, там, на юге, Жермен Парандон взглянул на часы и заторопился.

- Ну что ж, будем надеяться, что все обойдется. Всего хорошего, мосье Мегрэ!

- Всего доброго, мосье Парандон!

Комиссар надеялся, что успокоится после этого разговора, а получилось совсем наоборот. Ему стало еще тревожнее.

"Единственное, на что он может решиться в приступе отчаянья..."

А если именно это и подразумевалось? Что если сам Парандон писал анонимные письма? Чтобы удержаться? Чтобы воздвигнуть некий барьер между побуждением и действием, к которому его влекло?

Мегрэ совсем забыл о Жанвье, стоявшем у окна.

- Слышал?

- Конечно, - то, что говорили вы.

- Доктор недолюбливает свою невестку. И убежден, что его брат никого не может убить... Но не уверен, что он когда-нибудь не попытается покончить самоубийством.

Солнце зашло, и сразу словно чего-то не стало в мире. Хотя до ночи было далеко и еще не стемнело, Мегрэ зажег лампы, как бы отгоняя призраков.

- Завтра увидишь этот лом и поймешь... Можешь сказать Фердинанду, кто ты, и зайти в квартиру... Пройдись по всем комнатам и кабинетам - я там предупредил, что пришлю кого-нибудь из полиции...

Единственное, что тебе грозит, это что в самый неожиданный момент появится мадам Парандон. Можно подумать, что она ходит по воздуху... Когда она уставится на тебя, ты невольно почувствуешь себя в чем-то виноватым... Эта дама на всех производит такое впечатление...

Мегрэ вызвал курьера и вручил ему подписанные бумаги и письма для отправки.

- Ничего нового? Ко мне никого нет?

- Никого, господин комиссар.

Мегрэ не ждал посетителей. И все же его поразило, что ни Гюс, ни Бэмби так и не подали признаков жизни. А ведь они наверняка - как и все остальные домочадцы - были в курсе всего, что происходило вчера. Несомненно, они знали, что Мегрэ проводит дознание. Может быть, даже видели его из-за угла в коридоре...

Ох, будь сейчас Мегрэ пятнадцать лет и узнай он, что ... То-то бы он кинулся к комиссару с расспросами - пусть бы его тут же осадили.

Но он прекрасно понимал, что времена меняются, и он имеет дело с людьми совершенно другого круга.

- Ну, ладно, пойдем в пивную "Дофин", выпьем по кружке, а потом по домам - обедать, а?

Так они и сделали. Прежде чем взять такси, Мегрэ проделал большую часть пути пешком, и когда жена, заслышав его шаги, открыла ему дверь у него уже не было озабоченного выражения лица.

- Что будем есть?

- Я разогрела завтрак.

- А что было на завтрак?

- Рагу из гуся.

Они улыбались друг другу, но все же она угадала его душевное состояние.

- Не изводись так, Мегрэ!

А ведь он ничего не рассказал ей о деле, которое его волновало. В общем-то, все дела

Одинаковы...

- Ты же не можешь отвечать за всех. И, немного погодя, добавила:

- К вечеру теперь свежее сразу... Пожалуй, закрою окно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как и всегда по утрам, его первым ощущением было сначала запах кофе, затем - прикосновение к плечу жениной руки и наконец - сама мадам Мегрэ, свежая и расторопная, в домашнем платье с цветочками, протягивающая ему чашку.

Он протер глаза и задал довольно бессмысленный вопрос:

- Никто не звонил?

Ведь если бы телефон зазвонил - Мегрэ проснулся бы одновременно с женой. Шторы были подняты. Весна, хотя и ранняя, продолжалась. Солнце взошло, и звуки с улицы доносились как-то особенно отчетливо.

Мегрэ облегченно вздохнул. Лапуэнт не звонил, значит, на авеню Мариньи ничего не произошло. Он отпил полчашки и в веселом настроении отправился в ванную. Зря он беспокоился. Надо было с первого письма понимать, что все это чепуха. И теперь ему стало стыдно, что он поддался впечатлению, как мальчишка, еще верящий в привидения.

- Как спал?

- Отлично!

- Придешь завтракать?

- Да, постараюсь.

- Хочешь рыбы?

- Ага. Хорошо бы жареного ската.

Когда через полчаса Мегрэ вошел к себе в кабинет на набережной Орфевр, он удивился и даже растерялся, увидев там Лапуэнта. Молодой инспектор, бледный и утомленный, дремал в кресле. Вероятно, зная, как встревожен его начальник, бедняга, вместо того, чтобы оставить письменное донесение и отправиться спать, решил дожидаться самого комиссара.

- Лапуэнт, что же ты, голубчик?

Инспектор вскочил, а Мегрэ подошел к своему столу, на котором лежала груда писем.

- Обожди минутку.

Ему хотелось сначала убедиться, что нет нового анонимного письма.

- Ладно... Рассказывай.

- Значит, так. Пришел я туда около шести часов вечера. Обратился к швейцару - Ламюру. Он уговорил меня пообедать вместе с ним и с его женой. Сразу же после меня, в десять минут седьмого, появился молодой Парандон по прозвищу Гюс...

Лапуэнт вытащил из кармана блокнот и стал сверяться со своими записями.

- Один?

- Да. И под мышкой у него были учебники. Через несколько минут пришел какой-то женоподобный тип с кожаным чемоданчиком. Ламюр сказал, что это парикмахер перуанки и что, наверно, она собирается куда-нибудь на бал или вечер... А сам красное хлещет.

Кстати сказать, он целую бутылку выдул. Его удивляло и даже огорчало, что я не составил ему компании.

Дальше... В семь сорок прикатила дама в шикарной машине с шофером. По словам швейцара - мадам Гортензия, сестра мадам Парандон. Обычно они выезжают вместе. Она замужем за Бенуа-Биге, человеком богатым и влиятельным. А шофер у них испанец.

Лапуэнт смущенно улыбнулся:

- Простите, если все эти подробности вам не интересны, я от нечего делать записывал все подряд... В половине девятого под арку подали лимузин, и вскоре из лифта вышла чета

перуанцев. Он - во фраке, она - в открытом вечернем туалете и в такой меховой вроде... епитрахили. Вряд ли когда-нибудь -еще увидишь этакое.

Без пяти девять вышли мадам Парандон с мадам Гортензией. Потом я узнал, куда они отправились. Шоферы обычно по возвращении заходят в швейцарскую пропустить рюмочку - у Ламюра всегда есть пол рукой литр красного... Так вот, шофер сказал, что в отеле "Крийон" устраивали бридж с благотворительными целями.

Дамы вернулись вскоре после полуночи. Сестра поднялась и оставалась около получаса. Вот тут-то шофер и зашел в швейцарскую выпить.

На меня никто не обращал внимания; верно, думали, что я просто какой-нибудь приятель Ламюра... А знаете, как трудно было отказываться, когда подносят винца.

Мадемуазель Парандон, или, как ее называют, мадемуазель Бэмби, вернулась около часа ночи.

- А ушла когда?

- Не знаю. Не видел, как выходила. Значит - обедала не дома. Ее провожал молодой человек - она поцеловала его на лестнице, ничуть не стесняясь нас.

Я спросил у Ламюра, заведено у нее так, что ли? Оказывается, да, и это у нее постоянный, только неизвестно, кто он такой. У парня длинные волосы, на нем была спортивная куртка и стоптанные мокасины.

Лапуэнт словно бубнил зазубренный урок, изо всех сил борясь со сном и не сводя глаз с блокнота.

- А ты ничего не сказал, когда ушли мадемуазель Ваг, Тортю и Бод.

- Я потому не отметил их, что они ушли в свое обычное время - в шесть часов. Спустились по лестнице, а не на лифте, простились и разошлись в разные стороны.

- Ну, дальше.

- Два-три раза я поднимался на четвертый этаж, но ничего особенного не видел и не слышал. С таким же успехом я мог бы слоняться ночью по церкви.

Перуанцы вернулись около трех часов ночи - ужинали в "Максими". А до того они побывали на премьере кинофильма на Елисейских полях. Они живут совсем по-парижски.

Ну вот и все, что было ночью. Уж действительно можно сказать, что ни одна собака не пробежала, потому что во всем доме никто не держит животных, кроме перуанцев - у них попугай.

Да, я, кажется, не сказал, что Фердинанд - метрдотель Парандонов, отправился спать в десять часов, а кухарка ушла в девять.

Утром первым явился Фердинанд - в семь часов. Он вышел со двора и отправился в закусочную на Цирковой улице, где всегда пьет кофе. Не было его с полчаса. За это время пришли кухарка и уборщица Маршан. Шофер - он живет в комнате над гаражом, рядом с Фердинандом, - поднялся в квартиру Парандонов, там ему дают завтрак.

Я не сразу записал все это, и потому записи не очень-то в порядке. За ночь я раз десять подслушивал под дверью Парандонов, и ничего не было слышно.

Шофер, как всегда по утрам, вывел хозяйскую машину во двор и давай драить ее...

Лапуэнт сунул блокнот в карман:

- Вот и все, патрон. Потом пришел Жанвье, я представил его Ламюру, а оказалось - они уже знакомы. И я ушел.

- Ну, теперь ступай скорее спать, голубчик.

Через несколько минут в коридоре прозвучит сигнал на утренний рапорт. Мегрэ поспешно набил трубку, вскрыл конверты и наскоро просмотрел почту.

На душе у комиссара стало легче. И было от чего!

А все же у Мегрэ сосало под ложечкой, и его не оставлял какой-то смутный страх.

У начальника разговор шел, главным образом, о сыне одного министра, попавшем в четыре часа утра в автомобильную катастрофу. Дело заключалось не только в том, что парень был пьян, а еще и в том, что если бы назвали фамилию сопровождавшей его девицы (которую пришлось отправить в больницу), это вызвало бы скандал. Водитель, на машину которого молодчик наехал, погиб на месте.

- Какие соображения по этому поводу у вас, Мегрэ?

- У меня? Да никаких, господин начальник.

Как только дело касалось политики или кого-либо с ней связанного, комиссара как ни бывало. Он умел напускать на себя отсутствующий, почти глуповатый вил.

- Надо же все-таки найти какой-то выход из положения... Пока еще газеты не знают, но через час-другой все станет известно.

Было десять часов. Зазвонил настольный телефон. Недовольный начальник снял трубку:

- Да, здесь...

И кивнул Мегрэ.

- Вас.

У комиссара сжалось сердце. Еще не донесся трубку до уха, он уже понял, что на авеню Мариньи что-то произошло. И в самом деле, он услышал голос Жанвье. Тот говорил приглушенным, каким-то сдавленным голосом:

- Это вы, патрон?

- Я... Ну, кого?

- Жанвье сразу же понял смысл вопроса:

- Секретаршу.

- Умерла?

- Да. Что поделаешь.

- Застрелили?

- Нет, втихую... Никто даже не заметил... Врача еще нет... Я звоню, а сам лаже не знаю никаких подробностей, я был внизу. Тут рядом мосье Парандон, он совершенно подавлен... С минуты на минуту ждем доктора Мартена.

- Закололи?

- Перерезали горло.

- Еду.

Начальника и сотрудников удивили волнение и бледность Мегрэ. Ведь на набережной Орфевр, в частности в уголовном отделе, убийство самое привычное дело.

- Кого там?

- Секретаршу Парандона.

- Невропатолога?

- Нет, брата его - юриста... Мне писали анонимные письма... Не вдаваясь в подробности, комиссар выбежал из кабинета и бросился в комнату инспекторов.

- Где Люка?

- Здесь, патрон.

Мегрэ обвел глазами помещение:

- Торранс... Так... Оба - со мной. Люка, знавший о письмах, спросил:

- Значит убили-таки?

- Да.

- Парандона?

- Секретаршу... Вызывай туда Моэrsa с его группой... Я звоню в прокуратуру.

Всегда одна и та же вольнка. Теперь, вместо того чтобы работать, придется битый час объясняться с помощником прокурора и следователем.

- Двинулись, ребята.

Он был так угнетен, будто это произошло с кем-то из родных. Он никак не предполагал, что из всего окружения мосье Парандона жертвой окажется мадемуазель Ваг. Девушка понравилась комиссару. Ему понравилось, как смело и просто она говорила о своей связи с патроном. Он понял, что, несмотря на разницу в возрасте, она страстно предана мосье Парандону, а это, может быть, и является одним из проявлений истинной любви.

Почему же убили именно ее?

Он втиснулся в черную малолитражку, Люка сел за руль.

Когда машина тронулась, толстяк Торранс, сидевший позади, спросил:

- А в чем там дело?

- Сам увидишь, - пробурчал Люка, понимая состояние Мегрэ.

А тот даже не замечал ни улиц, ни прохожих, ни все больше зеленеющих деревьев, ни грузных автобусов, едва не задевавших полицейскую машину.

Мысленно он был уже там. Ему представлялась комнатка мадемуазель Ваг, где накануне в этот же час она сидела у окна. Девушка смотрела ему прямо в глаза, словно предлагая убедиться в своей правдивости. И если она при ответе колебалась, то лишь оттого, что старалась быть точной.

У подъезда уже стояла машина районного комиссара полиции. Видимо, ему сообщил Жанвье... Ведь что бы ни случилось, на все есть установленный порядок.

Ламюр со скорбной физиономией стоял в дверях своей роскошной швейцарской.

- Кто бы мог подумать... - начал он.

Мегрэ, не отвечая, промчался мимо него на лестницу - лифт был где-то наверху. Жанвье ждал его на площадке. Инспектор ничего не сказал, он тоже понимал настроение начальника. - Мегрэ даже не заметил, как Фердинанд, стоявший на своем посту, будто ничего не случилось, забрал у него шляпу.

Комиссар бросился в коридор, мимо кабинета Парандона, в комнату мадемуазель Ваг. Аверь была открыта. Сначала он увидел только двух мужчин: Ламбийота - районного комиссара, с которым ему не раз приходилось встречаться, и одного из его сотрудников.

Ему пришлось взглянуть на пол, почти под столик в стиле Людовика XIII, за которым обычно работала мадемуазель Ваг.

На девушке было легкое, цвета незрелого миндаля платье, надетое, конечно, впервые в этом сезоне, потому что вчера и позавчера Мегрэ видел ее в синей юбке и белой блузке. Он тогда еще подумал, что, видимо, это у нее нечто вроде формы.

После нанесения раны она, должно быть, упала со стула, и тело ее неестественно согнулось почти пополам. Горло зияло, из раны вытекла масса крови, еще даже на успевшей свернуться.

Мегрэ не сразу сообразил, что Ламбийот пожимает ему руку.

- Вы знали ее?

Он с изумлением наблюдал за Мегрэ - тот был совершенно потрясен видом мертвого тела.

- Да... Знал... - ответил комиссар хриплым голосом.

И кинулся в соседний кабинет, где натолкнулся на Жюльена Бода с красными, опухшими глазами. От него пахло спиртным. На столе стояла бутылка коньяка. Тортю сидел на своем месте, подперев голову руками.

- Это ты ее увидел?

"Ты" прозвучало совершенно естественно, потому что долговязый швейцарец будто сразу превратился в мальчишку.

- Да, мосье.
- Ты что-нибудь слышал? Она не кричала? Не стонала?
- Нет, даже не...

Он говорил с трудом. В горле у него стоял ком, из синих глаз ручьем текли слезы.

- Простите, первый раз в жизни.

Он словно ждал этой минуты, чтобы разрыдаться, и поспешно вытащил из кармана платок.

- Я... Минутку... Простите...

Стоя посреди комнаты, он громко рыдал спяна и почему-то казался выше своего роста. Вдруг раздался слабый сухой звук - это Мегрэ с такой силой стиснул в зубах черенок своей трубки, что он сломался. Головка упала на пол, он поднял ее и сунул в карман.

- Ох, простите меня... Никак не могу удержаться... Бол перевел дыхание, вытер глаза и бросил взгляд на бутылку коньяка, но налить не решился.

- Она приходила сюда минут десять десятого, приносила бумаги на сверку... И куда же это я их задевал? Это - протокол вчерашнего совещания с примечаниями и ссылками... Наверно, я их оставил у нее... Ах, нет, вот они, на столе...

Судорожно скомканные бумаги.

- Она сказала принести их обратно, когда я кончу... Я пошел...

- В котором часу?

- Не знаю... Наверно, я проработал около получаса... Мне это было интересно и приятно. Я с удовольствием работаю для нее... Ну вот, прихожу... смотрю... и не вижу ее... а потом... какглянул на пол...

Тут Мегрэ сам налил ему немного коньяку. Наверно, Фердинанд принес сюда стакан.

- Она еще дышала?

Бод покачал головой. Вошел Торранс.

- Прибыли из прокуратуры, - доложил он.

- Вы тоже ничего не слышали, мосье Тортю?

- Нет.

- Вы совсем не выходили отсюда?

- Нет, я холил к мосье Парандону и беседовал с ним минут десять. О деле, по которому я вчера выступал в суде.

- Который час был?

- Не посмотрел. Примерно половина десятого.

- В каком он был состоянии?

- В обычном.

- Кто-нибудь был у него еще?

- Мадемуазель Ваг.

- Когда она ушла оттуда?

- Почти сразу после моего прихода.

Мегрэ тоже не отказался бы от глотка коньяка, но ему было неловко. Предстояло множество формальностей, и, хотя он сердился на это, но по сути дела в них был свой толк - они выводили его из ощущения кошмара.

Прокуратура назначила следователя Аома, с которым он уже не раз сталкивался по работе. Это был приятный, застенчивый человек лет сорока, единственным недостатком которого была педантичность. Его сопровождал помощник прокурора де Клаэс, высокий .сухопарый блондин, всегда одетый с иголочки, зимой и летом в светлых перчатках.

- Что вы думаете об этом, Мегрэ? Мне сказали, что здесь уже дежурил ваш инспектор? Значит, вы что-нибудь предвидели?

Мегрэ развел руками:

- Слишком долго объяснять. Я получил несколько анонимных писем и поэтому вчера и позавчера, провел почти все время здесь.

- В письмах указывали жертву?

- В том-то и дело, что нет. И потому убийство было невозможно предотвратить. Пришлось бы ко всем членам семьи приставить по полицейскому, чтобы тот не спускал с них глаз. Лапуэнт провел ночь в швейцарской, а утром его сменил Жанвье...

Жанвье стоял в углу, опустив голову. Со двора доносился шум льющейся воды - шофер перуанцев поливал "роллс-ройс" из шланга.

- Кстати, Жанвье, кто тебе сообщил?

- Фердинанд. Он знал, что я внизу, я сам его предупредил.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Это прибыли сотрудники отдела уголовной экспертизы со своей аппаратурой. Почему-то среди них затесался маленький, круглый, как шар, человечек. Он растерянно оглядел всех присутствующих, словно раздумывая, к кому обратиться.

- Я - доктор Мартен, - пробормотал он наконец. - Прошу прощения, что так поздно, но у меня в кабинете была больная, и пока она одевалась...

Увидев труп, он наклонился над ним. Доктор волновался меньше, чем кто-либо из присутствующих.

- Конечно, умерла.

- Сразу?

- Да жила еще секунд, скажем, тридцать-сорок, но с перерезанным горлом она не могла кричать.

И он показал на какой-то предмет, почти невидимый за ножкой стола нож-скребок для подчистки помарок на бумагах, тонкий и острый, как бритва. Мегрэ заметил его накануне. Теперь он валялся в луже крови.

Комиссар невольно посмотрел на лицо девушки, на ее сбившиеся набок очки, застывшие голубые глаза.

- Закройте ей глаза, доктор.

Почти никогда - разве что в начале своей службы - Мегрэ не бывал так потрясен видом трупа. Но едва доктор протянул руку, как Моэрс остановил его:

- Сначала надо сфотографировать.

- Да, правда... Не надо, доктор... - сказал Мегрэ.

Значит, надо стараться не смотреть в ее сторону... И еще надо ждать судебного медика. Доктор Мартен, человек тучный, но проворный, спросил:

- Мне можно идти, господа?

И, обведя всех взглядом, обратился к Мегрэ:

- Это вы - комиссар Мегрэ, да? Я думаю, мне следует зайти к мосье Парандону? Вы не скажете, где он?

- Наверно, у себя в кабинете.

- Он знает? Видел?

- Вероятно.

А в общем, никто ничего толком не знал. Все шло как-то вразброд. Фотограф устанавливал на треножнике огромный аппарат, а какой-то пожилой человек измерял что-то на полу, диктуя цифры секретарю следователя.

Люка и Торранс дожидались в коридоре распоряжений своего начальника.

- Как по-вашему, что я должен делать?

- Ступайте к мосье Парандону, если вам кажется, что ему может понадобиться врач.

Доктор Мартен уже был в дверях, когда Мегрэ окликнул его:

- Возможно, что у меня будут к вам вопросы. Вы будете у себя?

- Я уйду только на консилиум в больницу - с одиннадцати до часу.

Он вытащил из кармана большие часы, с испугом взглянул на них и опрометью выбежал из комнаты. Следователь Дома нерешительно кашлянул:

- Наверно, Мегрэ, вам лучше работать без всей этой суматохи? Мне только хотелось бы знать: есть ли у вас какие-нибудь подозрения.

- Нет... А впрочем... Откровенно говоря, господин следователь, я и сам не знаю... Это дело так не похоже на другие, что я просто сбит с толку...

- Я вам больше не нужен? - спросил комиссар Ламбийот.

- Больше не нужен, - рассеянно повторил Мегрэ.

Ему не терпелось остаться одному. Мало-помалу кабинет опустел. Лишь иногда помещение озарялось вспышкой от фотосъемки. Двое мужчин с невозмутимостью гробовщиков снимали с пальцев убитой отпечатки.

Мегрэ вышел потихоньку из комнаты, знаком приказал Торансу и Люка подождать его и - отправился в кабинет рядом, где Тортю говорил по телефону, а Бол, облокотившись на стол, смотрел перед собой невидящими глазами.

Он был пьян. Коньяка в бутылке на треть поубавилось. Мегрэ схватил бутылку и бесцеремонно налил себе в стакан Бода. Комиссару необходимо было подкрепиться.

Он работал, как лунатик, иногда останавливался, уставившись в одну точку, словно припоминая что-то важное или боясь упустить.

Он рассеянно пожал руку простившемуся с ним судебному врачу. Тому еще предстояла основная работа в судебно-медицинском институте.

Вошли санитары с носилками, и он бросил последний взгляд на светло-зеленое платье, надетое, вероятно, ради первого солнечного дня.

- Жанвье, займись родственниками. Наверно, адреса имеются где-нибудь у нее в столе... Посмотри и в сумочке... В общем, сделай все, что нужно.

Двух других инспекторов - Люка и Торранса - он увел в переднюю.

- А вы начертите-ка мне план квартиры и отметьте, кто где находился между четвертью десятого и десятью часами... Запишите также, кто кого видел, кто куда ходил.

Фердинанд стоял тут же, скрестив руки на груди, словно тоже ожидал распоряжений.

- Вот он вам поможет с планом... Скажите-ка, Фердинанд, мадам Парандон, наверное, еще у себя?

- Да, мосье Мегрэ.

- Как она восприняла это?

- Да никак, мосье. Она, поди, еще ничего не знает. Насколько мне известно, она еще спит, а Лиза не решается будить ее.

- И мосье Парандон не заходил к жене?

- Он не выходил из кабинета.

- И не видел тела?

- Ох, простите. Он ведь действительно выходил на минуту - после того, как мосье Тортю сообщил ему... Он заглянул в кабинет мадемуазель Ваг и сразу же вернулся к себе.

Значит, вчера Мегрэ ошибся, считая, что аноним всегда подбирает точные выражения, поняв фразу "нанести удар" буквально. Но оказалось, что девушке не нанесли удар и не застрелили. Ее зарезали.

Он посторонился, пропуская носилки, и через несколько секунд постучал в массивную дверь кабинета Парандона. Никто не отозвался. Правда, дверь была тяжелая, лубовая. Комиссар

повернул ручку, налег на створку и вошел. Адвокат сидел в своем кожаном кресле.

На какой-то миг Мегрэ испугался, не случилось ли беды и с Парандоном - такая странная была у него поза - сторбленный, с бессильно опущенной на грудь головой и вяло свисающей почти до полу рукой.

Мегрэ поставил другое кресло против него, так что они снова оказались вблизи друг от друга, как во время их первой беседы. На полках поблескивали золотом переплеты книг с именами Лагаша, Анри Эя, Рюиссана и других психиатров.

Комиссар с изумлением услышал тихий голос.

- Что вы об этом думаете, мосье Мегрэ?

Голос был тусклый, звучавший словно издалека. Голос убитого горем человека. Адвокат с усилием выпрямился и чуть приподнял голову. Вдруг его очки упали на пол, и без толстых стекол его глаза стали похожи на глаза испуганного ребенка. Он с трудом наклонился, поднял и снова надел очки.

- Что там делается?

И показал белой, пухлой ручкой в направлении комнаты мадемуазель Ваг.

- Все формальности уже выполнены.

- А... тело?

- Унесли.

- Вы... не обращайтесь на меня внимания. Я скоро приду в себя...

Он машинально прижал руку к сердцу, а комиссар наблюдал за ним так же пристально, как в первый раз.

Мосье Парандон сел удобнее, достал из кармана платок и вытер лицо.

- Не выпьете ли что-нибудь?

Адвокат взглянул на деревянную обшивку стены, за которой помещался бар.

- А вы?

Мегрэ Поднялся, взял две рюмки и бутылку уже знакомого ему старого арманьяка.

- Значит, это была не шутка... - медленно произнес Парандон. И хотя голос его окреп, он все еще был странный, бесцветный, какой-то автоматический.

- Вы в затруднении, правда?

И так как Мегрэ молча смотрел на него, добавил:

- Что же вы намерены теперь делать?

- Двое из моих людей сейчас уточняют, чем был занят каждый обитатель вашей квартиры между четвертью десятого и десятью.

- Это произошло до десяти.

- Знаю.

- Без десяти десять... Да, именно без десяти десять Тортю сообщил мне об этом...

И он перевел глаза на большие бронзовые часы, показывавшие одиннадцать часов тридцать пять минут.

- И с тех пор вы так тут и сидите?

- Я зашел туда с Тортю, побыл несколько секунд, но не смог выдержать это и вернулся... Да, именно так... С тех пор я так и сидел в кресле...

Смутно припоминаю, что заходил мой врач Мартен, что-то говорил, но я только кивал головой. Он пощупал мне пульс и куда-то заторопился...

- Ему, кажется, надо было в больницу на консилиум.

- Наверно, он подумал, что я принял наркотик...

- А вам случалось когда-нибудь?..

- Никогда. Но я представляю себе, как они действуют. Через открытое окно доносился

шелест листвы и рев автобусов на площади Бово.

- Вот уж не думал...

Он говорил сбивчиво, не договаривая фраз, а Мегрэ не сводил с него взгляда. В кармане у комиссара всегда лежало две трубки, и он вынул вторую, целую, набил ее табаком и глубоко затянулся, словно стремясь обрести душевное равновесие.

- Не думали - о чем?

- Вообще... О том, как... О важности... Да, именно - кем она была для меня, о важности этой связи...

И он снова махнул рукой в сторону кабинета секретарши...

- Это так неожиданно!

Может быть, если бы Мегрэ проштудировал все труды по психиатрии и психологии, выстроившиеся в библиотеке Парандона, то был бы более уверен в себе. Вряд ли еще когда-нибудь он так напряженно вглядывался в лицо человека, как в эту минуту. Он не упускал ни одного жеста, ни единого движения мышц.

- А разве вы думали, что это случится с нею?

И комиссар признался:

- Нет!

- Со мною, да?

- С вами или с вашей женой.

- А где она?

- Кажется, еще спит и ничего не знает.

Адвокат нахмурился. Он прилагал неимоверные усилия, чтобы сосредоточиться.

- Значит, она еще не выходила?

- По словам Фердинанда - нет.

- Фердинанд ведь не бывает на той половине.

- Знаю. Сейчас, видимо, допрашивают Лизу. Вдруг Парандон заволновался, словно от какой-то мучительной мысли.

- Но раз жена не выходила, значит, вы арестуете меня?

Неужели он понял, что убийца - мадам Парандон?

- Скажите, вы арестуете меня?

Парандон встал, выпил глоток арманьяка и вытер лоб ладонью.

- Ничего не понимаю, Мегрэ! И тут же спохватился:

- Ох, простите, мосье Мегрэ!.. Разве к нам приходил кто-нибудь посторонний?

Постепенно он приходил в себя, глаза оживились.

- Никто. Один из моих людей провел ночь в доме, другой сменил его утром в восемь часов.

- Нужно будет перечесть письма, - тихо сказал адвокат.

- Вчера вечером я читал их много раз.

- Во всем этом есть какая-то нескладница. Будто события вдруг стали разворачиваться совершенно непредвиденно...

Он снова сел, а Мегрэ задумался над его словами. И у него также, когда он узнал о смерти мадемуазель Ваг, возникло ощущение, что произошла какая-то ошибка.

- Вы знаете, она была очень... очень предана...

- Более, чем предана, - уточнил комиссар.

- Вы думаете?

- Вчера она говорила о вас с подлинной любовью. Маленький человечек недоверчиво вытаращил глаза, словно не мог допустить, что внушил подобное чувство.

- Пока вы тут принимали двух судовладельцев, я долго беседовал с ней.

- Да, знаю. Она мне сказала... А где же документы?

- Они были у Бода, когда он обнаружил убийство и, потеряв голову, бросился бежать оттуда... Они помяты...

- Это очень важные материалы. На клиентах не должно отразиться то, что произошло в моем доме...

- Можно задать вам один вопрос, мосье Парандон?

- Я жду этого с той самой минуты, как вы явились ко мне. Разумеется, ваш долг велит вам спросить меня и даже - не верить мне на слово... Нет, я не убивал мадемуазель Ваг. Есть слова, которые я почти никогда не произносил - исключил их из своего лексикона. И вот сегодня я скажу одно такое слово, потому что только оно выражает истину, которую я только сейчас открыл, - я любил ее, мосье Мегрэ.

Он говорил спокойно, и впечатление от этого еще усиливалось.

Дальше у него пошло легче:

- Мне показалось, что у меня к ней просто привязанность и, кроме того - физическое влечение... Я даже стыдился этого - ведь она почти ровесница моей дочери... У Антуанетты...

Впервые Мегрэ услышал имя мадемуазель Ваг.

- ...у нее была такая... как бы это сказать. Такая непосредственность... которая меня ободряла... А она приносила ее извне... как подарок... как свежие цветы...

- Вам известно, каким оружием совершено преступление?

- Ножом?

- Не совсем. Чем-то вроде скребка для соскабливания помарок с документов. Я заметил его еще вчера на столе у мадемуазель Ваг, и меня удивила странная форма - длинное и очень тонкое лезвие...

- Он, как и все канцелярские принадлежности, от Романа.

- Это вы его купили?

- Конечно, нет. Должно быть, она.

- Мадемуазель Ваг сидела у себя за столом и, наверно, просматривала бумаги. Часть из них она отдала Болу на сверку.

Парандон, казалось, вовсе не держался настороже, не опасался ловушки. Он внимательно слушал и, видимо, удивлялся, что Мегрэ придает значение таким подробностям.

- Тот, кто ее убил, знал, что этот, нож лежит на столе, иначе он захватил бы с собой оружие.

- А откуда вы знаете, что он не был вооружен и что он не переменял намерения уже на месте?

- Мадемуазель Ваг видела, как он взял нож, и не испугалась, не вскочила с места... Она продолжала работать, хотя убийца стоял у нее за спиной.

Парандон раздумывал, мысленно воспроизводя описанную комиссаром сцену; ему помогало в этом точное мышление опытного юриста.

Теперь в нем не осталось никакой вялости. Пусть недомерок - раз уж повелось насмехаться над людьми, не вышедшими ростом, но - человек недюжинного ума.

- Боюсь, что вам все же придется арестовать меня к концу дня, - вдруг заявил он.

В его словах не было никакой иронии. Просто человек взвесил все за и против и пришел к определенному выводу.

- Да, это даст возможность моему защитнику прибегнуть к статье шестьдесят четвертой, - добавил он на этот раз с нескрываемым сарказмом.

Мегрэ снова растерялся. И его растерянность еще усилилась, когда открылась дверь, ведущая в большую гостиную, и на пороге появилась мадам Парандон - непричесанная,

ненакрашенная и в том же голубом пеньюаре, что и вчера. Она держалась очень прямо, но тем не менее выглядела гораздо старше своих лет.

- Простите за беспокойство.

Она говорила так, словно у них в квартире ничего не случилось.

- Я полагаю, комиссар, что вы не дадите мне поговорить с мужем наедине? Правда, это с нами не часто бывает, но, принимая во внимание обстоятельства...

- В данный момент я могу разрешить разговор лишь в моем присутствии.

Она не входила в кабинет и продолжала стоять на Пороге, на фоне залитой солнцем гостиной. Мужчины тоже встали.

- Отлично. Вы делаете свое дело.

Она затянулась папиросой, которую держала в руке, и нерешительно перевела взгляд с одного на другого.

- Прежде всего, разрешите спросить, мосье Мегрэ, приняли ли вы какие-нибудь решения?

- По поводу чего?

- Разумеется, по поводу утреннего события. Я только что узнала о нем и подумала, что вы кого-нибудь арестуете.

- Я еще не пришел к какому-либо заключению.

- Ах, так... А то скоро вернутся дети, и лучше бы выяснить все это до их прихода... Скажи, Эмиль, это ты убил?

Мегрэ не поверил своим ушам... Супруги стояли на расстоянии трех метров друг против друга, лица у них были напряжены, глаза смотрели жестко.

- Как ты смеешь спрашивать...

У Парандона перехватило дыхание, он яростно сжал кулачки.

- Только без сцен! Отвечай: да или нет?

Выйдя из себя, что с ним, наверно, не часто случалось, адвокат поднял руки, словно проклиная ее, и крикнул:

- Ты же прекрасно знаешь, что нет, черт возьми! Он в бешенстве топал ногами. Он готов был броситься на жену.

- Это все, что я хотела услышать от тебя. Спасибо. И, как ни в чем не бывало, она повернулась и вышла в гостиную, притворив за собою дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- Прошу прощенья, мосье Мегрэ, я вышел из себя. Вообще-то со мной это случается редко...

- Знаю.

Именно потому, что комиссар знал уже характер Парандона, он погрузился в раздумье.

Карлик мало-помалу отдышался, взял себя в руки. Он снова вытер лицо уже не багровое, а желтоватое.

- Вы ее ненавидите?

- Нет. У меня нет ненависти ни к кому... Потому что я не признаю, что человек всегда может полностью отвечать за...

- Это - статья шестьдесят четвертая.

- Конечно... Пусть меня считают маньяком, но буду стоять на своем.

- Даже если дело касается вашей жены?

- Даже и так.

- Даже если она убила мадемуазель Ваг?

На мгновение его лицо затуманилось, зрачки словно расплылись...

- Даже.

- А вы считаете, что она способна на это?

- Я никого не могу обвинять...

- Я хочу задать вам еще один вопрос. Можете ответить только "да" или "нет". Видите ли, я вовсе не убежден, что убийца и есть автор анонимных писем... Ведь мог и кто-то другой, предвидя возможность преступления, вообразить себе, будто присутствие полиции в доме может предотвратить...

- Я вас понял... Нет, письма писал не я.

- Может быть - сама мадемуазель Ваг? Парандон задумался.

- Не исключено, хотя это не вяжется с ее характером... Она всегда была откровенна. Я уже говорил вам о ее непосредственности. Но может быть, она не решилась обратиться ко мне, зная...

Он закусил губу.

- Зная - что?

- Ну, что если бы мне и впрямь грозила опасность - я не принял бы никаких мер.

- Почему же?

Он нерешительно посмотрел на Мегрэ.

- Трудно объяснить... Понимаете ли, раз уже я сделал выбор...

- Вы имеете в виду свой брак?

- Вообще все... Профессию... Женитьбу... Образ жизни... Значит, я и отвечаю за последствия.

- А разве это не противоречит вашим представлениям об ответственности?

- Может быть... Но только на первый взгляд...

Чувствовалось, как он устал и растерян, какие сумбурные мысли теснятся за этим выпуклым лбом и каких усилий стоит ему привести их в порядок.

- Как вы полагаете, мосье Парандон, тот, кто писал письма, знал, что жертвой окажется ваша секретарша?

- По-моему, нет...

Из гостиной донесся крик:

- Где папа?

И почти тотчас же дверь распахнулась, и в кабинет ворвался высокий, взлохмаченный подросток. На мгновение он остановился посреди комнаты, переводя взгляд с Мегрэ на Парандона, и спросил комиссара почти с угрозой:

- Вы арестуете папу?

- Успокойся, Гюс! Мы тут с комиссаром Мегрэ...

- Вы - Мегрэ?

И с любопытством уставился на комиссара.

- Кого же вы арестуете?

- Пока - никого.

- Я могу поклясться, что это не отец

- Откуда вы узнали о том, что произошло?

- Сначала от швейцара, а подробности - от Фердинанда.

- А для вас это было совсем неожиданно?

Парандон отошел от них и уселся за свой письменный стол, как бы стремясь занять привычное место.

- Это - допрос?

И юноша обернулся к отцу, словно за поддержкой.

- Мое дело, Гюс...

- Кто вам сказал, что меня зовут Гюс?

- Вас все так называют дома... Я расспрашиваю вас так же, как и всех остальных, но это вовсе не официальный допрос... Я вас спросил, не ожидали ли вы этого?

- Чего?

- Того, что произошло утром.

- Вы хотите сказать, не ожидал ли я, что Антуанетту зарежут? Нет... не ожидал.

- Вы звали ее Антуанеттой?

- Да, уже давно... Мы были друзья.

- А чего же вы ждали? Мальчик покраснел до ушей.

- Да ничего определенного...

- Не преступления?

- Не знаю.

Мегрэ заметил, что адвокат пристально смотрит на Гюса, не то желая разрешить для себя мучительный вопрос, не то обнаружив в сыне нечто для себя новое.

- Вам уже пятнадцать, Гюс?

- В июне будет шестнадцать.

- Как, по-вашему, лучше: чтобы мы побеседовали с вами при отце или наедине, у вас в комнате или в другом месте?

Мальчик заколебался. Его пыл прошел, но нервы еще были напряжены. Он вновь обратился к адвокату.

- Как лучше, папа?

- Мне кажется, что у тебя в комнате удобнее... Да, вот что, сынок... Сейчас должна вернуться Бэмби - если уже не пришла... Мне хотелось бы, чтобы вы оба позавтракали как обычно и не беспокоились обо мне... Я не буду за столом.

- Ты не будешь завтракать?

- Не знаю... Может быть, попрошу принести сюда. Мне нужно отдохнуть.

Чувствовалось, что паренек готов броситься к отцу на шею и что удерживает его не присутствие Мегрэ, а какая-то стеснительность, вероятно, всегда существовавшая в отношениях между Парандоном и сыном.

Видимо, ни тот, ни другой не были склонны к излиянию чувств и объятиям, и Мегрэ ясно представилось, как Гюс в детстве Прокрадывался в кабинет и молча, не шевелясь, смотрел, как отец работает или читает.

- Если хотите - пойдём ко мне...

Когда они проходили через гостиную, Мегрэ увидел ожидавших его там Люка и Торранса. Им было явно не по себе в огромном и великолепном зале.

- Как, ребята, кончили?

- Все, патрон. Хотите взглянуть на план или узнать - кто куда ходил?

- После... Когда это произошло?

- Между половиной десятого и без четверти десять... Можно сказать почти наверняка - в девять часов тридцать семь минут.

Мегрэ обратил внимание на раскрытые настежь окна.

- Открыты с утра? - спросил он.

- Да, с четверти девятого.

Поверх гаража - ряд больших окон высившегося за ним шестиэтажного дома, выходящего фасадом на Цирковую улицу. Какая-то женщина прошла через кухню с кастрюлей в руках. Этажом выше старушка пеленала ребенка.

- Прежде всего вам надо перекусить где-нибудь... Что у Жанвье?

- Он отыскал мать - она живет в деревне в районе Берри. Телефона у нее нет, и он

договорился с кем-то из тамошних жителей, что ее приведут на переговорный. Сейчас он в соседнем кабинете - ждет вызова.

- Пусть потом догоняет вас. Тут на улице Миромениль есть неплохой ресторанчик, "Котелок" называется... Когда позавтракаете - поделите между собой этажи вон того дома на Цирковой улице и опросите всех жильцов, у которых окна выходят на эту сторону... Оттуда видно проходил ли кто-нибудь через гостиную между половиной десятого и без четверти десять. А может быть, кто-то заметил, что делалось в это время и в других комнатах...

- Где мы встретимся?

- Когда кончите - на набережной. А если окажется что-нибудь важное, здесь. Я, наверно, еще не уйду...

Гюс прислушивался к их разговору. Страшное событие не лишало его ребяческого интереса к деятельности сыщиков.

- Пошли, Гюс...

Мальчик повел его узким коридором мимо кухни. Через стеклянную дверь Мегрэ увидел толстуху в темном платье.

- Вторая дверь...

Большая комната. Совсем иная атмосфера, нежели во всей квартире. Правда, такая же стильная мебель - надо же куда-то девать! - но Гюс использовал ее на свой лад - пристроил какие-то доски и полки.

Были тут четыре репродуктора, два-три проигрывателя, на одном белом столике - микроскоп, на другом - какая-то сложная электрическая схема из медной проволоки. У окна - единственное кресло, кое-как прикрытое куском красной ткани. Такая же ткань была вместо покрывала на кровати, так что получалось нечто вроде дивана.

- Бережете? - удивился Мегрэ, увидев на этажерке большого плюшевого медведя.

- А что тут такого? Отец купил, когда мне исполнился год...

Он произносил "отец" с гордостью, почти с вызовом. Чувствовалось, что мальчик готов яростно защищать его.

- Вы любили мадемуазель Ваг?

- Я ведь сказал - мы дружили..

Видимо, ему льстило, что двадцатипятилетняя девушка обращалась с ним по-дружески.

- Вы часто заходили к ней в кабинет?

- По крайней мере - раз в день.

- А бывали с нею где-нибудь?

Гюс удивленно вскинул глаза на комиссара. Тот набивал трубку.

- Где, например?

- Ну, скажем, в кино или на танцах...

- Я не танцую... И никуда с ней не ходил.

- А у нее дома были?

Он снова покраснел до ушей.

- Не пойму, чего вы от меня добиваетесь? На что намекаете?

- Вы знали об отношениях Антуанетты и отца?

- Знал, ну и что? - огрызнулся Гюс, задрав голову, как петушок. Плохо это, что ли, по-вашему?

- Речь идет не обо мне, а о вас.

- По-моему, отец волен поступать, как ему угодно.

- А как же ваша мама?

- Это ее не касалось.

- Что вы хотите сказать?

- Что мужчина имеет право...

Он не закончил, но и начало фразы было достаточно красноречиво.

- Как вы думаете, не в этом ли причина сегодняшнего преступления?

- Откуда я знаю?

- Могли ли вы ожидать подобное?

Мегрэ сидел в красном кресле и медленно раскуривал трубку, не сводя взгляда с этого еще продолжающего расти подростка с непомерно длинными руками и ногами.

- И ждал, и не ждал...

- Говорите точнее. Разве вы так отвечаете на уроке в лицее?

- Вот уж не думал, что вы такой...

- Такой грубиян, да?

- Похоже, что я вам неприятен или вы подозреваете меня в чем-то?

- Вот именно.

- Да ведь не в убийстве же Антуанетты? Прежде всего, я был на уроке.

- Знаю... Знаю и то, что вы преисполнены искреннего уважения к отцу.

- Ну и что? Разве плохо это?

- Вовсе нет... И одновременно вы считаете его беззащитным существом.

- К чему вы клоните?

- Тут нет ничего дурного, Гюс... Просто в быту ваш отец не любит стоять за себя... Он считает, будто во всем, что с ним происходит, виноват он сам.

- Он человек умный и порядочный.

- И Антуанетта была на свой лад беззащитная... А в общем-то, ведь только вы с нею могли охранять вашего отца... Потому-то между вами и возник своего рода сговор.

- Мы никогда ни о чем таком не говорили...

- Охотно верю... Тем не менее оба вы считали себя союзниками... Вот почему, даже не говоря об этом с ней, вы пользовались любым предлогом, чтобы побыть с нею.

- К чему вы ведете?

И в первый раз подросток, крутивший в пальцах кусок медной проволоки, отвернулся от Мегрэ.

- Я уже привел: это вы, Гюс, прислали мне письма и вы же вчера звонили в полицию.

Теперь Мегрэ видел только спину. Наступило долгое молчание. Наконец Гюс повернулся, лицо его выражало полное смятение.

- Да, я... Ведь вы все равно установили бы это, правда? В его взгляде уже не чувствовалось недоверия. Казалось, комиссар снова завоевал его уважение.

- А почему вы заподозрили меня?

- Потому что такие письма мог писать либо убийца, либо тот, кто пытался окольным путем защитить вашего отца.

- Ну, это могла быть и Антуанетта.

Мегрэ не стал убеждать его, что мадемуазель Ваг была уже не в том возрасте, когда прибегают к подобным приемам - надуманным и ребяческим.

- Я разочаровал вас, Гюс?

- Мне почему-то казалось, что вы возьметесь за это дело иначе.

- А как, например?

- Понятия не имею... Просто я читал отчеты о ваших расследованиях... и думал, что вы - человек, который все понимает...

- А теперь?

Гюс только пожал плечами.

- Теперь я и сам не знаю...

- Кого же, по-вашему, я должен арестовать?

- Никого.

- Вот как? А что же мне тогда делать?

- Вам виднее. Вы начальник уголовного отдела сыскной полиции, а не я!

- Могло ли убийство произойти вчера или даже сегодня в девять часов?

- Наверняка нет.

- А от чего вы хотели защитить отца? Снова молчание.

- Я чувствовал, что ему грозит опасность.

- Какая?

Мегрэ был убежден, что Гюс понял смысл его вопроса. Мальчик хотел защитить отца. От кого? Может быть, от него же самого.

- Я не буду больше отвечать.

- Почему?

- Так.

И решительно добавил:

- Можете увезти меня на набережную Орфевр... Задавайте мне часами один и тот же вопрос... Наверно, вы считаете меня мальчишкой, но клянусь - больше вы не вырвете у меня ни слова.

- Ладно, больше ничего не буду у вас спрашивать. Кстати, вам пора завтракать, Гюс.

- Сегодня можно и опоздать в лицей.

- Где комната вашей сестры?

- Тут же, в коридоре, через две двери...

- Ну, не сердитесь на меня!

- Вы выполняете свой долг...

И Гюс захлопнул за ним дверь. Немного погодя Мегрэ постучался к Бэмби. Из комнаты доносился шум пылесоса. Ему открыла светловолосая девушка в форменном платье.

- Вы ко мне?

- Вы - Лиза?

- Да, я горничная. Мы уже встречались с вами.

- А где барышня?

- Наверно, в столовой. А может, у отца или у матери. Это через площадку, на другой половине.

- Я знаю, где это. Вчера я был у мадам Парандон.

В открытую дверь он увидел столовую. Стены, доверху обшитые деревянными панелями. На столе, за которым могли бы сесть человек двадцать, - всего два прибора. Сейчас сюда пожалуют Бэмби и Гюс и сядут на свои места, отделенные друг от друга белой равниной скатерти. Им будет прислуживать Фердинанд в белых перчатках.

По пути Мегрэ приоткрыл двери кабинета Парандона. Тот все так же сидел в кресле. Около него на сервировочном столике - бутылка вина, стакан и несколько бутербродов. Адвокат не шевельнулся. Может, даже не услышал, как открылась дверь. Солнечный свет падал на его макушку, и издали казалось, что она лысая.

Комиссар прикрыл дверь, нашел коридор, по которому проходил вчера, и дверь в будуар. Оттуда доносился незнакомый ему пылкий, трагический голос. Слова были невнятные, но в тоне чувствовалась неудержимая страстность.

Мегрэ резко постучал. Голос умолк, и через секунду дверь открылась, и перед ним выросла

девушка. Она еще тяжело дышала, глаза у нее сверкали, ноздри раздувались.

- Что вам нужно?

Мадам Парандон все в том же голубом пеньюаре стояла, повернувшись к окну, чтобы скрыть от комиссара свое лицо.

- Я - комиссар Мегрэ.

- Так я и думала. Ну и что?... Имеем мы право располагать собой в своем доме?

Не красавица, но очень привлекательная, хорошо сложена... Строгий костюм и - вопреки моде - волосы связаны лентой.

- Мне хотелось бы, мадемуазель, до завтрака немного поговорить с вами.

- Здесь?

Он заколебался, увидев, как вздрогнули плечи у матери.

- Необязательно... Где вам угодно.

Бэмби вышла из будуара не оглянувшись, закрыла за собой, дверь и спросила:

- Куда пойдем?

- Может быть - к вам? - предложил он.

- Там Лиза убирает.

- Тогда в какую-нибудь другую комнату.

- Все равно.

Ее враждебность вовсе не относилась к Мегрэ. Скорее всего, это было общее душевное состояние. Теперь, когда ее пламенную речь прервали, нервы девушки сдали и она вяло шла за Мегрэ.

- Только не к... - начала она.

- Разумеется, не к мадемуазель Ваг. - Они отправились в кабинет Тортю и Бола - те ушли завтракать.

- Сядем, мадемуазель Бэмби... Вы видели вашего отца?

- Я не хочу сидеть.

Она трепетала от возбуждения и не могла спокойно сидеть на стуле.

- Как вам угодно...

Он тоже не сел, а прислонился к столу Тортю.

- Я спросил: видели ли вы отца?

- С того момента, как вернулась, - не видела.

- А когда вы вернулись?

- В четверть первого.

- От кого вы узнали?

- От швейцара.

По-видимому, Ламюр подкарауливал обоих - Бэмби и Гюса - чтобы первым сообщить о происшествии!

- Ну, а дальше?

- Что - дальше?

- Что вы делали?

- Фердинанд хотел что-то сказать мне, но я не стала его слушать и пошла прямо к себе.

- А у вас была Лиза?

- Да. Убирала ванную. Из-за того, что случилось, все в доме делается с опозданием.

- Вы плакали?

- Нет!

- У вас не появилось желания поговорить с отцом?

- Может быть... Не помню... Во всяком случае, я не пошла к нему.

- И долго вы оставались у себя в комнате?
- Я не смотрела на часы... Наверно, минут пять или чуть больше.
- И что вы делали?

Она нерешительно взглянула на Мегрэ. Видимо, в этом доме было так принято - все они, прежде чем ответить, обдумывали свои слова.

- Смотрелась в зеркало.
- Сказано вызывающе. Эту же черту он обнаружил и у других членов семьи.
- Почему же так долго?
- Сказать откровенно, да? Ладно, буду говорить начистоту. Мне хотелось выяснить, на кого

я похожа.

- На отца или на мать?
- Да.
- Ну, и что же вы решили?
- Она вся напряглась и резко бросила:
- На мать.
- Вы что, ненавидите свою мать, мадемуазель Парандон?
- Вовсе нет. Мне даже хотелось бы поддержать ее. И я пыталась...
- Поддержать - в чем?
- Вы думаете, что таким образом можете добиться чего-нибудь?
- О чем это вы?
- О ваших вопросах... О моих ответах...
- Я стараюсь понять...

- Вы провели в нашей семье всего несколько часов и надеетесь понять, как мы живем? Не подумайте, что я враждебно к вам настроена, но я ведь знаю, что вы с понедельника рыскаете по всему дому...

- И знаете, кто писал мне письма?
- Да.
- А как вы узнали?
- Увидела, как он срезает штамп с бумаги.
- Гюс сказал вам, для чего он это делает?
- Нет... Я догадалась уже потом, когда пошли толки о письмах...
- И кто о них толковал?
- Не помню... Кажется, Жюльен Бол... Он мне очень нравится. С виду он чучело гороховое,

но в действительности - парень что надо.

- Меня интересует одна подробность... Вы сами придумали себе имя Бэмби, а брату - Гюс?
- Она слегка улыбнулась.

- Вас это удивляет?
- Из протеста?

- Угадали. Из протеста против жизни в этой огромной шикарной казарме, против нашего образа жизни, против тех людей, которые у нас бывают. Лучше бы я родилась в какой-нибудь простой семье и сама пробивала бы себе дорогу в жизни...

- Вы и так пробиваете свой путь - на свой лад...
- Ну, знаете, археология... Не хотела я заниматься таким делом, где мне пришлось бы отбивать место у других...
- Вас особенно злит ваша мама?
- Я, знаете, предпочитаю не говорить о ней...
- Но разве же не в ней сейчас суть дела?

- Возможно... Не знаю...

Она украдкой взглянула "а комиссара.

- Вы считаете, что это - она? - настаивал Мегрэ.

- Почему вы так думаете?

- Когда я подошел к ее комнате, я слышал, с каким жаром вы там изъяснялись...

- Ну, это вовсе не значит, что я считаю ее виновной. Мне не нравится тот образ жизни, который она ведет сама и навязывает нам... Не нравится...

Она владела собой хуже, нежели ее брат, хотя внешне казалась спокойнее.

- Вы ставите ей в вину, что ваш отец не был с ней счастлив?

- Нельзя делать счастливыми людей против их воли. А что касается несчастья...

- Мадемуазель Ваг нравилась вам так же, как и Жюльен Боа?

Не колеблясь, она отрезала:

- Нет!

- Почему?

- Она была просто мелкая интриганка, которая внушала отцу, что любит его!

- А вы когда-нибудь слышали, как она говорила о своей любви?

- Еще чего! Стала бы она ворковать при мне?! Достаточно было видеть ее с отцом! И я прекрасно понимала, что у них происходит при закрытых дверях!

- Вы что - из моральных соображений...

- Плевать мне на моральные соображения! Да о какой морали идет речь? Мораль какого круга? Разве мораль в нашем районе та же, что в каком-нибудь провинциальном городишке? Или в двадцатом округе 9?

- По-вашему, мадемуазель Ваг чем-нибудь огорчала вашего отца?

- Может быть, она еще больше отдаляла его...

- Вы хотите сказать, что он отдалился от семьи - из-за нее?

- Я как-то не задумывалась над таким вопросом. Да и никто другой о нем не думал... Скажем так, не будь ее - может быть еще удалось бы...

- Восстановить?

- Тут нечего восстанавливать... Родители никогда не любили друг друга... И вообще я не верю в любовь... Но ведь можно просто жить в каком-то согласии, хотя бы в покое...

9 Рабочий район Парижа.

- Этого вы и пытались добиться?

- Иногда я пыталась утихомирить неистовство мамы, доказать ей всю ее непоследовательность...

- А отец не помогал вам в этом?

Хотя у девушки был совсем иной образ мысли, нежели у брата, все же кое о чем они судили одинаково.

- Отец отступился.

- Из-за мадемуазель Ваг?

- А я больше не буду отвечать вам... Ничего больше не скажу... Вы поставьте себя на мое место - я возвращаюсь из Сорбонны и вдруг...

- Что же, может, вы и правы... Но поверьте, я делаю все, чтобы в дальнейшем избежать мучительных формальностей... Вы тоже представьте себе расследование, которое будет тянуться неделями... Неопределенность... Вызовы в сыскную полицию... Потом - к следователю...

- Да, об этом я не подумала... А что вы будете теперь делать?

- Я еще ничего не решил.

- Вы завтракали?
- Нет. Да и вы тоже, и Гюс, наверно, ждет вас в столовой.
- Разве отец не будет завтракать с нами?
- Ему хочется побыть у себя одному.
- А вы не хотите завтракать?
- Есть сейчас не хочу, но скажу откровенно, умираю от жажды.
- Чего выпьете? Пива? Вина?
- Все равно - лишь бы стакан побольше! Она невольно улыбнулась.
- Обождите минутку.

Он понял, почему она улыбалась. Она не могла представить себе, что комиссару вынесут стакан вина на кухню или в буфетную, как простому разносчику. Но и не могла допустить мысли, что он сядет рядом с нею и Гюсом в столовой.

Она не стала обременять себя подносом. В одной руке она держала бутылку старого Сент-Эмилиона, в другой - большой граненый хрустальный стакан.

- Не сердитесь, если я была резка и от меня не было проку.
- Ну почему же? От всех вас был прок... Идите скорее есть, мадемуазель Бэмби!

Забавное ощущение - сидеть вот так, в одиночестве, в кабинете Тортю и Бода, с бутылкой вина! Раз он сказал "побольше" - она принесла чайный стакан, и он без стеснения налил его до краев.

Его и в самом деле мучила жажда. А кроме того, ему хотелось как-то подстегнуть себя, ибо за всю долгую службу ему, пожалуй, ни разу не выпадало такое тягостное утро. Комиссар был уверен, что мадам Парандон ждет его. Конечно, ей было известно, что он уже допросил всех домохозяев, и теперь она изнывала, когда же, наконец, дойдет очередь до нее.

Интересно, велела ли она принести себе поесть, как это сделал муж?

Стоя у окна, комиссар пил вино медленными глотками, рассеянно поглядывая на двор. Впервые там не стояло ни Одной машины - только рыжий кот лениво потягивался на солнце. Ламюр сказал, что в доме нет никаких животных, кроме попугая, значит, этот кот соседский и, наверно, забрел сюда в поисках спокойного местечка.

Сначала Мегрэ не решался выпить второй стакан, но, поколебавшись, набил трубку и выпил еще полстакана. Затем, вздохнув, отправился уже знакомыми коридорами в будуар.

Стучать не пришлось. Несмотря на ковровую дорожку, мадам Парандон слышала его шаги и, едва он подошел, дверь открылась. Она была в том же голубом шелковом пеньюаре, но успела за это время причесаться и накраситься, так что выглядела почти так же, как накануне.

Может быть - чуть более напряженное, усталое лицо? Трудно сказать. Чувствовался какой-то надлом, но Мегрэ не мог бы сказать, в чем дело.

- Я ждала вас.
- Знаю. Вот я и пришел.
- Почему же пришли ко мне - последней?
- Ну... может быть, чтобы дать вам время на размышление.
- О чем мне размышлять?
- О том, что произошло... И что неизбежно произойдет дальше...
- Это вы о чем?
- После того как совершится убийство, рано или поздно обязательно следует дознание, арест, суд...
- Разве это касается меня?
- Вы терпеть не могли Антуанетту, не так ли?
- Как, и вы называете ее по имени?

- А кто еще звал ее так?

- Хотя бы Гюс... А может быть, и мой муж... не знаю... Он такой галантный, что даже в самые интимные минуты способен говорить "мадемуазель".

- Она умерла...

- Ну так что? Неужели только потому, что человек умер, нужно наделять его всеми добродетелями?

- Что вы делали прошлой ночью после того, как вернулись из "Крийона" и сестра ваша ушла?

Нахмутив брови, она припоминала. Потом усмехнулась:

- Я и забыла, что вы набили весь дом сыщиками... Да... Представьте себе, у меня разболелась голова, я приняла таблетку аспирина, а потом, ожидая, пока лекарство подействует, попробовала читать... Вон и книга еще лежит там и заложена на странице десятой или двенадцатой... Долго я не смогла читать... и легла... Но заснуть не удалось... Со мной это часто бывает - врач знает...

- Доктор Мартен?

- Нет, Мартен лечит мужа и детей, а я предпочитаю доктора Помруа. Он живет на бульваре Осман... Но, слава богу, я ничем не болею...

Последние слова она отчеканила, словно бросая вызов.

- Я не лечусь, не соблюдаю ни диеты, ни режима...

И Мегрэ понял, что под этим подразумевалось: "Не то, что мой муж!"

Но мадам Парандон не произнесла эти слова вслух, а продолжала:

- Единственное, на что я жалуюсь, - это плохой сон. Иногда бывает, что к трем часам ночи я не засну. А это так изнуряет, так изводит...

- Значит, и нынче ночью?..

- Да.

- Вы были чем-нибудь взволнованы?

- Думаете - вашим визитом? - отпарировала она.

- Может быть - анонимными письмами... Ведь могли же они создать напряженную атмосферу...

- Я и без анонимных писем уже много лет плохо сплю... В общем, вчера мне пришлось принять барбитурат. Рецепт выписал доктор Помруа. Показать вам коробочку с таблетками?

- Зачем мне они?

- Почему я знаю? Судя по вашим вчерашним вопросам, я могу ожидать чего угодно... Так вот, несмотря на снотворное, я еще долго мучилась... А когда проснулась - изумилась, что уже половина двенадцатого.

- По-моему, вы нередко встаете поздно?

- Так поздно - нет... Я позвонила Лизе. Она принесла на подносе чай и сухарики. А когда она раздвинула шторы, я заметила, что у нее красные глаза, и спросила, почему она плакала... Она разрыдалась и сказала, что у нас стряслась беда... Я сразу подумала о муже...

- Что случилось что-то с ним?

- По-вашему, он здоровый человек? Вы даже не подозреваете, что сердце у него может сдаться в любой момент... как и все, остальное...

Комиссар не уточнил, что значит "остальное", оставив этот вопрос на будущее.

- И в конце концов Лиза сообщила, что убили мадемуазель Ваг и что в доме полно полиции.

- Как вы реагировали на это?

- Я была так потрясена, что принялась за чай... Потом бросилась в кабинет к мужу... Что с ним теперь сделают? Он притворился, что не понял:

- С кем?

- С мужем, разумеется! Ведь вы же не засадите его в тюрьму... С таким здоровьем он...

- С чего бы мне отправлять его в тюрьму? Прежде всего это не в моей власти, а зависит от следователя. Кроме того, в настоящий момент у меня просто нет никаких причин для его ареста...

- А кого же вы тогда подозреваете?

Не отвечая, он принялся медленно расхаживать по голубому с желтыми листьями ковру, а мадам Парандон уселась, как и вчера, на кушетку.

- Зачем бы понадобилось вашему мужу убивать свою секретаршу? спросил он, отчеканивая каждый слог.

- А разве для этого нужны причины?

- Обычно без причин не убивают.

- А вы не думаете, что некоторые люди могут просто выдумать причину?

- Ну, какую же в данном случае?

- Например, если она была беременна...

- А у вас есть какие-нибудь основания для такого предположения?

- Никаких.

- Ваш муж - католик?

- Нет.

- Но если допустить, что она была беременна, то разве не могло быть так, что это обрадовало бы мосье Парандона?

- Это только осложнило бы его жизнь...

- Не забывайте, что теперь уже не то время, когда на незамужних матерей показывали пальцами... Годы-то идут, мадам Парандон... Многие теперь уже не стесняются обращаться к гинекологу...

- Я сказала об этом только для примера...

- Поищите другую причину.

- Она могла и шантажировать его.

- Чем? Разве ваш муж обдeldывает темные делишки? Или вы считаете его способным на махинации, позорящие честь адвоката?

Пришлось ей сдаться:

- Конечно, нет.

Она произнесла это сквозь зубы, потом закурила сигарету.

- Такие девицы в конечном счете стараются женить на себе...

- Ваш супруг заговаривал с вами о разводе?

- До сих пор нет.

- А что бы вы сделали в этом случае?

- Мне пришлось бы покориться и больше не заботиться о муже.

- У вас, кажется, большое личное состояние?

- Гораздо больше, чем у него. Мы живем у меня - этот дом принадлежит мне.

- Следовательно, для шантажа нет никакого повода.

- Может быть, он устал притворяться, что любит?

- Зачем же ему "притворяться"?

- Возраст... Прошлое... Образ жизни... Все это...

- А вы любите искренне?

- Я подарила ему двух детей.

- Подарили? Что же, к свадьбе преподнесли?

- Это - оскорбление?

- И в мыслях не имел, сударыня. Но, видите ли, обычно детей делают вдвоем. Вот, так бы и сказали - у нас с мужем двое детей.

- А к чему весь этот разговор?

- К тому, чтобы вы мне сказали просто и честно: что вы делали сегодня утром?

- Я уже сказала.

- Но не просто и не честно. Вы долго описывали бессонницу, чтобы умолчать об утре.

- Утром я спала.

- Желательно, чтобы это подтвердилось. Возможно, что очень скоро я получу все доказательства. Мои инспектора проверили, кто где находился и кто куда ходил в промежутке с четверти десятого до десяти часов... Мне известно, что в кабинеты можно попасть разными ходами.

- Вы обвиняете меня во лжи?

- Во всяком случае в том, что вы не говорите всю правду.

- Вы считаете мужа невиновным?

- Я не могу считать кого-нибудь виновным или невиновным априори.

- Однако вы меня допрашиваете так, словно...

- В чем упрекала вас дочь, когда я приходил за нею?

- Разве она вам не сказала?

- Я ее об этом не спрашивал.

Мадам Парандон снова усмехнулась. Губы сложились в горькую складку ей хотелось изобразить жесткую, презрительную иронию.

- Значит, ей повезло больше, чем мне.

- Я спрашиваю, в чем упрекала вас дочь?

- Если вы этого добиваетесь - пожалуйста! В том, что меня нет рядом с мужем в такой трудный момент.

- Она считает виновным отца?

- А если и так?

- И Гюс, наверно, тоже?

- Гюс еще в том возрасте, когда отец кажется божеством, а мать ведьмой.

- Когда вы явились в кабинет мужа, вы знали, что я там?

- Нет, я полагала, что вы не можете быть повсюду одновременно и надеялась застать мужа одного.

- И вы спросили его...

- Вполне естественно. В подобных обстоятельствах этот вопрос задала бы своему мужу любая жена. Вы видели, как он реагировал? По-вашему, нормальный человек стал бы топтать ногами и изрыгать проклятия?

Почувствовав, что попала в цель, она раздавила сигарету о мраморную пепельницу и закурила новую.

- Если хотите еще о чем-нибудь спросить - я к вашим услугам.

- Вы уже завтракали?

- Не беспокойтесь об этом... А если вы сами проголодались...

Выражение ее лица менялось каждую минуту. Поведение тоже. Она опять стала светской дамой. Чуть откинувшись на спинку дивана и полузакрыв глаза, она потешалась над комиссаром.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В начале разговора с мадам Парандон комиссару приходилось сдерживаться. Но мало-

помалу раздражение сменилось грустью. Он почувствовал себя неумелым и неуклюжим, отдавая себе отчет, как не хватает ему данных, чтобы успешно провести подобный допрос.

В конце концов он примостился на одном из слишком хрупких для него креслиц и, не выпуская из руки потухшей трубки, сказал спокойным глухим голосом:

- Послушайте, мадам. Хотя вам кажется, что я настроен по отношению к вам враждебно, это не так. Я всего лишь служащий, и моя обязанность отыскивать истину всеми имеющимися в моем распоряжении средствами.

Я еще раз задам вам тот же вопрос. Прошу вас подумать, прежде чем отвечать, взвесить все за и против. Предупреждаю, что если впоследствии будет установлено, что вы солгали, я сделаю из этого соответствующие выводы и попрошу у следователя ордер на арест...

Наблюдая за ней, Мегрэ не отводил взгляда от рук, выдававших ее внутреннее напряжение.

- Выходили ли вы из своей комнаты после девяти часов утра и ходили ли за чем-либо в направлении кабинетов?

Она и глазом не моргнула, не отвернулась. Как и просил комиссар, она не спешила с ответом, хотя ему было совершенно ясно, что она ничего не обдумывает - ибо раз навсегда определила свою позицию. Наконец она бросила:

- Нет.
- И даже не показывались в коридорах?
- Нет.
- Не проходили через гостиную?
- Нет.
- Даже случайно не заходили в комнату к мадемуазель Ваг?
- Нет. И могу добавить, что считаю эти вопросы оскорбительными.
- Я выполняю свой долг.
- Вы забываете, что мой отец еще жив.
- Это - угроза?
- Нет, просто я хочу напомнить, что вы не в своем кабинете на набережной Орфевр.
- А вы хотите, чтобы я препроводил вас туда?
- Не посмеете.

Он решил не разубирать ее. Ему случалось удить рыбу в Мен-сюр-Луаре и однажды ему попался угорь. Какого труда стоило снять его с крючка! Он скользил между пальцами, упал на травянистый откос и в конце концов улизнул в реку.

Но он пришел сюда не забавы ради. Он не рыбачил на удочку.

- Итак, вы отрицаете, что убили мадемуазель Ваг?

Опять рутина. Всегда одни и те же слова, и тот же взгляд человека, отчаянно старающегося понять другое человеческое существо.

- Вы же это знаете.
- То есть что знаю?
- Что убил ее мой муж.
- С какой стати?
- Я вам уже сказала. При состоянии, в котором он находится, совсем не нужны какие-то определенные причины... Я вам открою одну тайну, которую никто не знает, кроме меня. Муж признался мне в этом еще до нашей свадьбы... Он побаивался ее, очень долго откладывал... Тогда я не догадывалась, что он все время советовался с врачами.

Вы ведь не знаете, что когда ему было семнадцать лет, он покушался на самоубийство, считая себя неполноценным? Да. Вскрыл себе вены. А когда потекла кровь - перепугался до смерти и стал звать на помощь... сказав, что это получилось нечаянно.

Вам, конечно, известно, что означает склонность к самоубийству?

Мегрэ жалел, что не захватил с собой вино... То-то удивились Бол и Тортю, когда вернулись и нашли в кабинете бутылку Сент-Эмилиона... И, конечно, уже прикончили ее...

- Его мучила совесть. Он боялся, что дети у нас будут ненормальные... Когда Бэмби была маленькой, только начала говорить, с какой тревогой он следил за ее развитием!..

Может быть, она говорила правду. В ее словах несомненно заключалась доля правды, но комиссар чувствовал какой-то пробел, какое-то несоответствие между ее словами и действительностью.

- Он одержим страхом болезни и смерти. Доктор Мартен знает об этом.

- Я виделся сегодня с доктором Мартеном. Казалось, удар попал в цель, но тотчас же к ней вернулась обычная уверенность.

- Он сказал вам об этом?

- Нет. И ему даже в голову не пришло, что ваш супруг мог убить...

- Вы забываете о профессиональной тайне, комиссар... И вдруг перед ним словно блеснул какой-то просвет, но пока еще далекий, смутный...

- Я говорил по телефону с вашим деверем. Он в Ницце, на конгрессе.

- Это было уже после... происшествия?

- До.

- И что же он?

- Во всяком случае, он не счел нужным рекомендовать наблюдение за вашим супругом.

- Однако он ведь должен знать...

Она снова закурила сигарету. Курила она непрерывно, одну сигарету за другой, глубоко затягиваясь.

- Разве вам не встречались люди, потерявшие всякую связь с жизнью, с действительностью?

Люди, которые выворачиваются сами перед собой наизнанку, как перчатка.

Поговорите с нашими друзьями - с нашими приятельницами, пусть они скажут - проявил ли муж интерес к кому-нибудь из них? Уступая моим настояниям, ему иногда приходится бывать с гостями, но при этом он почти никого не замечает, почти ни с кем не разговаривает... Весь уходит в себя...

- Скажите, пожалуйста, он сам выбирает знакомых?

- Это люди, с которыми мы должны встречаться по своему положению. Люди нормальные, ведущие нормальный образ жизни.

Мегрэ не спросил ее, что она называет нормальным образом жизни, считая, что лучше дать ей высказаться. А ее монолог становился все более назидательным.

- Прошлым летом, поверьте, он ни единого раза не был ни на пляже, ни в бассейне! Все время просидел в саду под деревом... То, что до замужества я принимала за рассеянность (представьте, вдруг он переставал меня слушать), впоследствии обернулось полной неспособностью жить с людьми.

Вот почему он уединяется у себя в кабинете, почти не выходит оттуда, а уж если выйдет - таращит на всех глаза, словно филин, ослепленный светом... Вы поторопились с выводами, мосье Мегрэ!

- Я хочу задать вам еще вопрос... Он был заранее уверен в ответе.

- Вы прикасались к револьверу со вчерашнего дня?

- А с чего бы это?

- Я жду не вопроса, а ответа.

- Нет.

- С какого времени вы его не трогали?

- Наверно, несколько месяцев... Я уже целую вечность не наводила порядок в этом ящике.
- Но ведь вчера-то вы мне его показывали.
- Ох, совсем забыла...
- А раз я брал его в руки, значит, там остались мои отпечатки поверх других?
- И это все, что вам удалось установить? Она смотрела на него так, словно ее огорчало, что Мегрэ такой неловкий, такой недотепа.

- Вы очень красочно рассказали мне про отчуждение вашего мужа, об отсутствии у него контакта с жизнью. А вот вчера еще он занимался у себя в кабинете чрезвычайно важными делами с людьми, которые в облаках не витают.

- А как по-вашему, почему он избрал специальностью Морское право? Ведь он ни разу в жизни не был на корабле, никогда не знал моряков... Все у него только на бумаге, все - в теории, ясно?.. И это еще раз подтверждает то, о чем я вам говорила и что вы никак не хотите принять во внимание...

Она вскочила и принялась расхаживать по комнате, словно это помогало ей собраться с мыслями.

- И даже его конек, пресловутая статья шестьдесят четвертая... Разве это не доказывает, что он просто боится - боится самого себя и старается себя успокоить? Он знает, что вы здесь и допрашиваете меня, - в нашем доме все известно, кто куда и зачем пошел. Знаете, о чем ему думается? О том, что нервы у меня не выдержат и я потеряю голову. Тогда подозрение падет не на него, а на меня... А попади я в тюрьму - он свободен.

- Минутку. Мне что-то непонятно. О какой еще другой свободе идет речь?
- О полной его свободе.
- А на что ему это после смерти мадемуазель Ваг?
- Найдутся другие мадемуазели.
- Значит, вы думаете, что муж воспользовался бы вашим отсутствием и завел бы любовниц?
- Почему бы нет? Это тоже возможность увериться в себе.
- И потом по очереди убивать их?
- Не обязательно убивать всех.
- Но ведь как будто он не способен поддерживать отношения с людьми?
- Да. С людьми нормальными - с людьми нашего круга.
- Людей, не принадлежащих к вашему кругу, вы не считаете нормальными?
- Вы же прекрасно понимаете, что я хотела сказать... Ненормально, что он водится с...
- Почему?

В дверь постучали, она отворилась, и вошел Фердинанд в белой куртке.

- Мосье Мегрэ, вас спрашивает кто-то из ваших сотрудников.

- Где он?

- Здесь, в коридоре... Он сказал, что это очень срочно, и я решился провести его сюда.

В полутьме коридора комиссар увидел Люка.

- Одну минуту, мадам Парандон, вы разрешите? Он притворил за собою дверь. Фердинанд ушел. Жена адвоката осталась у себя в комнате одна.

- Что такое, Люка?

- Утром она два раза проходила через гостиную.

- Это точно?

- Совершенно точно... Отсюда вам не видать, а из гостиной хорошо видно. В доме на Цирковой улице у окна почти целый день сидит один калека...

- Очень старый?

- Да нет, просто пожилой - лет пятидесяти... Когда-то попал в аварию и потерял ноги...

Теперь торчит у окна целый день и от нечего делать наблюдает за всеми, кто тут ходит взад и вперед... А еще его интересует, как моют машины, особенно "роллс-ройсы..." Судя по тому, что он мне рассказывал, - а я задавал ему всякие дополнительные вопросы, - его показаниям верить можно... Фамилия его Монтанье... А дочь у него акушерка.

- В котором часу он видел мадам Парандон в первый раз?

- Чуть позднее половины десятого.

- Она шла в направлении кабинетов?

- Да. Он разбирается в планировке квартиры даже лучше нас... Да и об отношениях адвоката с секретаршей знает.

- Как она была одета?

- В голубом, в домашнем.

- А во второй раз?

- Минут через пять после этого она прошла по гостиной обратно... И его поразило, что она даже не заметила, что в глубине комнаты горничная вытирала пыль.

- Значит, она не видела горничную?

- Нет.

- А ты допросил Лизу?

- А как же, еще утром.

- И она об этом тебе ничего не сказала?

- Говорит, что никого не видела.

- Спасибо, дружище!

- Что делать дальше?

- Ждите меня оба здесь. Никто не подтвердил показания этого Монтанье?

- Одна только служанка из квартиры на пятом этаже сказала, что заметила в окне гостиной кого-то в голубом - это было в то же время...

Мегрэ снова постучался в будуар и вошел, в ту же минуту мадам Парандон показалась на пороге спальни. Он не спеша выколотил пепел из трубки и снова набил.

- Будьте любезны, мадам, вызвать сюда горничную.

- Вам что-нибудь понадобилось?

- Да.

- Пожалуйста.

Она нажала кнопку. Несколько мгновений прошли в молчании, и у комиссара при взгляде на женщину, которую он так изводил, невольно сжималось сердце.

Мысленно он повторял текст статьи шестьдесят четвертой, о которой столько говорилось здесь за последние три дня: "Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия или если он был принужден к тому силой, которой не мог противиться".

Неужели человек, которого мадам Парандон так ярко описывала, мог в какой-то момент действовать в состоянии невменяемости?

Читала ли она труды по психиатрии? Или же...

Вошла перепуганная Лиза.

- Вы звали, мадам?

- Вот господин комиссар хочет поговорить с вами.

- Закройте дверь, Лиза... Не бойтесь. Утром, когда вас допрашивали мои инспектора, вы волновались и, конечно, не оценили всю важность заданных вам вопросов...

Бедная девушка смотрела то на комиссара, то на свою хозяйку. Та сидела, закинув ногу на ногу, слегка откинувшись на спинку кресла, с видом полного безразличия, будто все это ничуть

ее не касается.

- Вполне возможно, что вам придется давать свидетельские показания в суде и придется приносить присягу. Вам зададут те же вопросы, и если окажется, что вы солгали, - вам грозит тюрьма.

- Не пойму я - о чем это вы говорите?

- Мы установили, где был каждый человек в этой квартире между четвертью десятого и десятью часами... Чуть позднее половины десятого, скажем - в девять часов тридцать пять минут, вы вытирали пыль в гостиной. Так?

Она снова взглянула на мадам Парандон, которая отвела от нее глаза, потом тихо ответила:

- Так.

- В котором часу вы вошли в гостиную?

- Около половины десятого... Может, чуть позже...

- И вы не видели, как мадам Парандон прошла через гостиную.

- Не видела.

- Но ведь вскоре после вашего прихода туда, когда вы убрали в глубине комнаты, вы не могли не видеть, как она прошла в обратном направлении, то есть из кабинетов - к себе.

- Как быть, мадам?

- Это ваше дело, голубушка. Отвечайте на вопрос... Лиза теребила платок, по щекам у нее катились слезы.

- А кто вам сказал? - простодушно спросила она у Мегрэ.

- Мадам велела вам отвечать на вопросы.

- А по тому, что скажу, могут обвинить мадам?

- Ваши слова только подтвердят свидетельские показания другого человека. Он живет на Цирковой улице, его окна как раз напротив гостиной, и из своей комнаты он видел вас обеих.

- Ну, тогда и врать не стоит... Все так и было... Уж вы простите меня, мадам.

Она хотела броситься к хозяйке, может быть, даже упасть к ее коленям, но та сухо сказала:

- Если вы больше не нужны комиссару - можете идти. Лиза пошла к дверям и на пороге громко зарыдала.

- Что же все это доказывает? - спросила мадам Парандон, снова встав перед Мегрэ, держа руки в карманах голубого пеньюара, а сигарета тряслась в губах.

- Что вы солгали, по крайней мере, один раз...

- Я хозяйка в своем доме и не обязана отчитываться перед кем бы то ни было в своих действиях.

- В случае убийства - обязаны. И я уведомил вас об этом еще тогда, когда задал вам вопрос о...

- Значит, вы меня арестуете?

- Вам придется поехать со мной на набережную Орфевр.

- У вас есть ордер?

- Только чистый бланк. Мне достаточно вписать туда ваши имя и фамилию.

- И что дальше?

- Дальше уже от меня не зависит.

- А от кого?

- От следователя... Потом, наверно, от судебных медиков...

- Вы думаете, я сошла с ума? В ее глазах отразился ужас.

- Отвечайте же? Вы думаете, что я - сумасшедшая?

- Это не в моей компетенции...

- Я не помешанная, слышите... И если даже я убила - хотя я отрицаю это! - то уж никак не в

припадке безумия!

- Попрошу отдать мне револьвер.

- Берите сами! В верхнем ящике туалета... Он вошел в бледно-розовую спальню. Две комнаты мадам Парандон - голубая и розовая - напоминали картины Мари Лорансен.

Постель еще не прибрана - большая низкая кровать в стиле Людовика XV. Светло-серая мебель. На туалете - ряд баночек с кремом и флаконов целый арсенал средств, которыми пользуются женщины в борьбе со следами времени.

Мегрэ пожал плечами. Эта выставка почему-то опечалила его. Ему вспомнилось первое письмо Гюса. Как развернулись бы события без вмешательства этого мальчика? Так же или как-нибудь иначе?

В ящике туалета комиссар нашел револьвер, лежащий среди футляров с драгоценностями.

Он сам не знал, как ответить на заданный себе вопрос. Может быть, мадам Парандон вместо того, чтобы убить секретаршу, убила бы своего мужа? Может быть, она выждала бы еще несколько дней? Или же употребила бы другое оружие?

Нахмутив брови, он вошел в будуар. Мадам Парандон стояла лицом к окну. Он заметил, что спина у нее словно сгорбилась, плечи показались ему более узкими и костлявыми, чем прежде. Он держал револьвер в руке.

- Я буду вести игру в открытую, - начал Мегрэ. - Пока еще мне не удалось точно установить что либо, но я убежден, что когда вы сегодня после половины десятого проходили через гостиную, револьвер лежал у вас в кармане халата.

Я даже думаю, что вы именно в тот момент собирались убить мужа. Возможно, что свидетельские показания калеки с Цирковой улицы подтвердят мое предположение... Я-то думаю так: вы подошли к его кабинету, но услышали за дверью голоса - ваш супруг обсуждал что-то с Рене Тортю... Тогда вам пришла мысль о замене жертвы... Ведь убив Антуанетту Ваг, вы поразили бы своего мужа так же, если даже не сильнее, чем если бы нанесли удар ему самому... Не говоря о том, что сразу же навлекли бы подозрения на него...

Со вчерашнего дня, после нашего с вами разговора, вы подготавливали почву... Сегодня осуществили свой замысел...

Вы зашли в кабинет секретарши под тем предлогом, что вам нужна бумага, марка или еще какая-нибудь мелочь... Она рассеянно поздоровалась с вами и снова уткнулась в свои материалы...

И тут вы заметили скребок. Револьвер стал не нужен, тем более, что выстрел могли услышать...

Мегрэ молча опустил крошечный, отделанный перламутром браунинг в карман, потом, словно против воли, раскурил трубку и замолчал. Прошла целая вечность. Мадам Парандон стояла все так же, спиной к нему, словно оцепенев. Плечи у нее не вздрагивали - значит, она не плакала. А когда она в конце концов повернулась, у нее было такое холодное выражение лица, что, глядя на нее, никто не догадался бы, что произошло утром на авеню Мариньи и тем более - в ее голубом будуаре.

- Я не сумасшедшая! - отчеканила она.

Он не ответил. К чему? Да и что он понимал в этом?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- Одевайтесь, мадам, - тихо сказал Мегрэ. - Вы можете захватить с собой чемодан со сменой белья и туалетными принадлежностями... Не позвать ли лучше Лизу?

- Бойтесь, что покончу с собой? Не беспокойтесь, эта опасность мне не грозит. Впрочем, если хотите, можете нажать кнопку, она от вас справа.

Мегрэ подождал, пока пришла Лиза. Потом немедленно вышел, опустив голову,

разглядывая обивку пола. Он ошибся, пошел не в том направлении, очутился в другом коридоре и через стеклянную дверь кухни увидел Фердинанда и толстуху Вокен. Перед дворецким стояла наполовину опорожненная бутылка красного вина, из которой он, видимо, только что налил себе стакан. Положив локти на стол, Фердинанд уставился в газету.

Мегрэ вошел.

Слуги от неожиданности вздрогнули, а Фердинанд даже подскочил от удивления.

- Не нальете ли и мне стаканчик?

- Я захватил из кабинета еще одну бутылку Сент-Эмилиона.

А не все равно в таком-то состоянии, что Сент-Эмилион, что простое красное. Но Мегрэ не осмелился этого сказать.

Пил он медленно, рассеянно глядя вдаль, и не стал протестовать, когда дворецкий снова наполнил его стакан.

- Где мои люди?

- В прихожей. Я предложил им пройти в приемную, но они не захотели.

По привычке они охраняли выход.

- Люка, отправляйся в коридор на свое прежнее место. Стой у будуара и жди меня.

Потом вернулся к Фердинанду:

- Шофер сейчас здесь?

- Он вам нужен? Сейчас позову.

- Мне нужно, чтобы он через несколько минут подогнал машину к воротам... У входа стоят журналисты?

- Да, мосье...

- И фотографы?

- Тоже...

Комиссар постучал в кабинет Парандона. Адвокат сидел у стола, заваленного бумагами, и делал какие-то пометки красным карандашом. Он заметил Мегрэ и неподвижно уставился на него, не решаясь задать вопрос. Его голубые глаза за толстыми стеклами очков одновременно выражали и нежность и грусть.

Нужно ли было говорить? Адвокат и так все понял. В ожидании комиссара он уцепился за свои бумаги как утопающий за соломинку.

- Думаю, мосье Парандон, что вам представляется случай детальнее проштудировать статью шестьдесят четвертую.

- Она созналась?

- Еще нет...

- Думаете, что сознается?

- Сегодня ли ночью, через десять дней или через месяц, но это обязательно произойдет. Настанет минута, когда она расколется... Поверьте, мне не хотелось бы при этом присутствовать...

Маленький человек вынул из кармана носовой платок и стал так старательно протирать стекла очков, будто это было делом первостепенной важности. Вдруг зрачки его сузились, как бы растворились в белизне роговицы, и только рот выражал какое-то детское, беспомощное волнение.

- Вы ее увезете?

Его голос был едва слышен.

- Чтобы избежать назойливости репортеров и сделать ее отъезд менее заметным, она отправится на своей машине... Я договорюсь с шофером, и мы одновременно прибудем в сыскную полицию.

Парандон бросил на него благодарный взгляд.

- Вы не хотите с ней повидаться? - спросил Мегрэ, далеко не уверенный в ответе.

- Но что я ей скажу?

- Я вас понимаю. Вы правы. Дети дома?

- Гюс в лице... Не знаю, дома ли Бэмби или у нее сегодня лекции...

Мегрэ вдруг подумал о той, которая должна будет скоро уехать, и о тех, кто останется. Им тоже не сладко придется.

- Обо мне она ничего не говорила?

Адвокат задал вопрос робко, почти с опаской.

- Она мне много о вас рассказывала.

Теперь комиссар понимал, что не в книгах мадам Парандон нашла слова, которые, казалось, обвиняли ее мужа. Она переносила на него все, что было присуще ей самой, свои душевные муки.

Он посмотрел на часы и пояснил:

- Я дал ей время, чтобы одеться, собрать чемодан... С ней в комнате ее горничная.

...если обвиняемый был в состоянии безумия или если он был принужден к тому силой, которой он не мог противостоять...

Люди, которых ему по долгу службы приходилось арестовывать, иногда бывали оправданы судом, иногда осуждены. Некоторые из них, особенно часто это бывало в самом начале его деятельности, были приговорены к смертной казни, а двое из них даже просили, чтобы он не покидал их в последние минуты.

В юности он начал заниматься медициной и жалел, что пришлось ее бросить из-за семейных обстоятельств. Если бы ему удалось продолжить занятия, разве не выбрал бы он психиатрию?

Тогда ему пришлось бы ответить на вопрос:

...если обвиняемый был в состоянии безумия во время совершения действия или если он был принужден...

Может, и не так огорчительно, что ему пришлось оставить медицинский. А теперь он не обязан решать.

Парандон встал, подошел к нему своей нерешительной, неуклюжей походкой и протянул руку.

- Я...

Но он не в силах был продолжать. Они только и сделали, что, глядя друг другу в глаза, распрощались за руку. Потом Мегрэ пошел к двери и, не оборачиваясь, закрыл ее за собой.

Он был удивлен, увидя Люка и Торранса у выхода. Взгляд его помощника, брошенный в сторону салона, объяснил ему, почему Люка оставил свой пост в коридоре.

Посреди салона в светлом костюме, белой шляпке и белых перчатках стояла мадам Парандон. Рядом с ней Лиза держала чемодан.

- Садитесь обе в машину и ждите меня...

Мегрэ чувствовал себя распорядителем на похоронах и знал, что всегда будет противно вспоминать минуты, которые он сейчас переживает.

Он подошел к мадам Парандон, слегка поклонился и услышал, как она произнесла тихим, спокойным голосом:

- Я следую за вами...

Лиза спустилась в лифте вместе с хозяйкой. Шофер вскочил, чтобы открыть дверцу; крайне удивленный тем, что Мегрэ не садится в машину сзади, он взял чемодан и положил в багажник.

- Вы отвезите мадам Парандон на набережную Орфевр, 36. - обратился к нему Мегрэ. -

Въедите через арку во двор и поверните во дворе налево...

- Слушаюсь, господин комиссар.

Мегрэ подождал, пока машина пробьется через целую заставу озадаченных журналистов и фотографов, потом, осаждаемый их вопросами, вырвался и сел в маленькую черную машину сыскной полиции, где уже сидели Люка и Торранс.

- Вы сейчас произведете арест, господин комиссар?

- Не знаю.

- Вам удалось найти виновного?

- Еще не знаю, ребята...

Он говорил сущую правду. Одно за другим ему приходили в голову слова шестьдесят четвертой статьи, ужасающие по своей неточности.

А солнце все светило, каштаны цвели, и он увидел тех же людей, круживших около дворца президента Республики.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке RoyalLib.ru](http://royallib.ru)

[Написать рецензию к книге](#)

[Все книги автора](#)

=`"http://royallib.ru/book/simenon_gorg/megre_kolebletsya.html"`>Эта же книга в других форматах